

А л е к с а н д р
А Й З Е Н Б Е Р Г

А Г Е Н Т
В Л И Я Н И Я

А л е т е й я

Александр Айзенберг

АГЕНТ ВЛИЯНИЯ

«Алетейя»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Айзенберг А.

Агент влияния / А. Айзенберг — «Алтейя»,

ISBN 978-5-00165-073-7

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00165-073-7

© Айзенберг А.
© Алтейя

Содержание

Князь Байда, или Градус всемирной истории	5
Агент влияния и император	7
Раскрытие сокрытого	7
Речь	73
Смерть в Риме	112
Iuno Moneta	118
Монета	126
Убийцы!	129
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Александр Айзенберг

АГЕНТ ВЛИЯНИЯ

Князь Байда, или Градус всемирной истории

...На самом деле, нормальная температура – кажущееся благо, и повесть «36» в этом сборнике обещает и накал страстей, и глубокую интригу, а предваряющий ее роман «Агент влияния» и вовсе унесет в тревожное Зазеркалье мировой истории. Расцвет Рима, падение Цезаря. Персы и египтяне, эллины и иудеи. Ветхозаветные герои, влияющие на жизнь персонажей всех последующих эпох. В стилистическом же смысле все еще интереснее. И если взять Бабеля, прочитав его следом за «Тарасом Бульбою» с оглядкой на Сенкевича и Леонида Андреева, то в результате мы получим великолепную прозу Александра Айзенберга, человека и одессита, живущего в Германии. Хотелось бы сказать, что только здесь, где когда-то издавалась газета «Руль», а теперь проживает Владимир Сорокин, могла возникнуть эта феерия всех времен и народов, но автор – все-таки одесская медийная личность, и потом, все великое, случившееся в истории человечества, видится даже не на расстоянии, а как раз сквозь хорошо протертые очки. Да-да, Шкловского тоже стоит помянуть в случае с этой «графической» прозой, напоминающей записки не то чтобы не о любви, а скорее, о ее скрытых истоках в письмах с Леты, наконец-то нашедших своего адресата.

В любом случае, автор небезосновательно называет все это «историческими голографическими голограммами». То есть, перед нами еще не реальность, данная в ощущениях архивной пыли, но уже не альтернативная история, когда по привычке прикидывают, что если бы нас победили немцы. И в «Агенте влияния», и в «36» о живших в разные времена праведниках, спасающих человечество от гнева Божьего, ничего подобного вы не найдете, но вот косметологическая экспертиза ведьмы по имени Клеопатра и спектральный анализ пыли на сапогах Ивана Богуна присутствуют и вполне способны подстегнуть воображение. «Между тем, я задаю вопросы, которые могут приблизить нахождение ответов, по крайней мере, усилить поиск ответов», – уточняет автор.

При этом какие-нибудь Пунические войны покажутся ничуть не скучнее рейда махновских тачанок в пресловутых степях Украины, и главное, веришь нашему автору с его одесскими корнями, как родному. Поскольку «местную» специфику отделения зерен от плевел не заметить ничем, и живущие рядом (в отличие от «идущих вместе») даже в железной логике официоза с его «южнорусской» школой литературы находят более убедительные лазейки. Южнорусская школа? А вот еще была южнорусская овчарка... Овчарки давно уж нет, школа закрылась, все ушли не на фронт, но переехали в Москву, как Ильф с Петровым и Олеша с Катаевым. Так что же было в сухом остатке? «Юг Украины. Где-то там между Одессой и Херсоном», – уточняет автор в повести «36», и сразу становится ясно, за красных или за белых будут герои этой сказки. А все оттого, что эта проза – не официальная жизнь с ее сводками о сдаче золота в фонд государства, а слепок с реальности. Пускай даже с нескольких, вроде голограмм, как настаивает автор. «Жареных тараканов продолжают есть в Таиланде, но в стране, где можно есть вареники с творогом или там с вишнями, тараканы, как часть меню, вряд ли имеют шансы на массовый успех», – объясняют нам разницу между «южнорусской» школой и «украинской» властью слова.

Так и выстраивается сюжет в книге Айзенберга – сначала события, известные всем то ли из учебника по истории Древнего Рима, то ли из жизни несуществующей нынче страны, после – философское осмысление всего, что случилось, сквозь призму семейной драмы. И этой стратегии можно верить, поскольку подобные координаты уж точно не заведут в «светлое

будущее», а потемки чужой судьбы всегда были более интересны, чем догмы политэкономии. «И бабушка пошла на черный рынок и там купила сколько-то долларов и сдала их. И вот так, благодаря совету одесского еврея, дедушку выпустили».

Иногда это похоже на отсутствующие главы в истории о «белом плаще с кровавым подбоем» и «шаркающей кавалерийской походке», поскольку начинается все с библейской аутентичности, герой которой был по ту сторону сюжетных баррикад, а героиня «знала все ухищрения блудниц Вавилона, и изнемогал в бессилии царь Ахгашвэйрош». А все вместе – «как если бы в нечерноземную деревню завезти запах алых парусов, звон серебряных шпор и шляхтянок, которых привозили сыновья Будрыса...». Египетский фараон, римский понтифик, германский кайзер. Князь Байда Вишневецкий, наконец, и кровь от крови его – Иеремия, породивший, в свою очередь... Словом, почти библейская история, как и было предсказано. При этом и эпоха, когда «Фараон и Творец были одно и то же», и времена, когда «синие шаровары пулковника Богуна, о которые билась его доблестная сабля, закрыли небо для Герша из Корсуня», и даже мгновения, промелькнувшие перед глазами дедушки Моисея в одесской ЧК – все это оказывается близким и осязаемым почти на ощупь, словно жесткая борода Бога, которую автор пытается ухватить в своих поисках жанра.

Игорь Бондарь-Терещенко

Семьям: Айзенберги, Фойгели, Гольдфельды, Литваки

Агент влияния и император

Раскрытие сокрытого

Валентин Потоцкий, еще Валентин Потоцкий, смотрел на картину... этого... Рембрандта... Ван Рейн... тогда он смотрел...

Амстердам... Этот город родил его – он родился в нем – Авраам бен Авраам... Авром сын Авром... Авром бен Авром...

Как вонзаются слова: праведный прозелит... Гер – Це-дек... А можно: Herr Zedeck... Господин цедек; но он был у украинских Потоцких – там евреи говорят: цадик... И... он сам слышал: цодык... Господин цодык...

Дукас... Дух Потоцкие... Графы Потоцкие...

Куда едет истинный шляхтич? В Париж.

- Откуда, пан родом?
- О-о, Жмудь!
- То с чего начался Грюнвальд.
- Пан говорит правду. Тевтоны напали на жмудинов. Вмешались Витовт, Ягайло.
- Не Ягелло – Ягайло... Пан воистину говорит, как Жмудь.
- Так-так, я – drobный жмудский пан. Заремба.
- А я – граф Валентин Потоцкий.
- Падам до ваших ног, пане!
- Уже впав...

– Я еду. Меня ждет Рома. Римская волчица.

В Амстердаме Валентин еще дышал свежим воздухом. Или уже дышал... Он слышал:
«Цедек – праведник. Это планета...»

– Юпитер, – перебил Валентин...

– Эта планета называется Цедек. Планета – праведник, граф.

Вода стекала со стекол домов. Каждая капля была свободной... свободной... Кап-кап...
сво-бо-да – кап-кап...

А Заремба женился, и они били каблуками сапог на его свадьбе. А женился он на дочке польного гетьмана Литовского Тышкевича. И звали ее Тышкевичувна. Виват, шляхетский
гонор!

Юбка Тышкевичувны взметнулась в танцевальном шаге – и сердце улетало с этим шагом
то вверх, то вниз.

Номо номіні лупус ест.

Roma.

Валентин был в самом Риме.

Roma.

Этот запах. Особый зелено-серый цвет... цвет империи, ее осколков... Великий Рим!

Смирение перед папой. Он – граф Потоцкий. Его владения, как вся Италия. Может, и
больше... И Украина, да и в Литве, самой Польше.

Мы – Потоцкие!

Он учился у папы. Ему, князю Ржечи Посполитой была оказана особая честь.

Как же звали пана отца гетьмана?.. О-о, литвин, конечно, магнат Людвик Скумин-Тышкевич.

И... Они пили вино. Бургундское... красное... с жирным мясом... А, может, и не бургунд... но красное, точно, с мясом... Вина выпили много, но что вино – а еще мясо – сверкала сталь – они ели с ножа – красно-коричневое, сочащееся – и говорили... Нет, это теперь...

Заремба кричал, но его просто не понимали – вокруг парижане: пьяный варвар кричит – и что?

Заремба бил по столу кулаками:
– Як я католик, цо!..

Что-то мешало, нет, они пили и пили, но графу Валентину что-то мешало. Он хотел своих прямых отношений, личных, без церкви. Он знал: то страшный грех. Для католика, для поляка. Для графа Потоцкого.

Рядом, и в Умани, и в Вильне, повсюду были они... Всюду, везде.

Валентин поправил саблю. Даже здесь в Париже он ходил со своею карабеллой. Заремба сразу повесил шпагу. А он держал руку на эфесе изогнутого клинка.

Рим разочаровал: таких посредников ему было не нужно.

Да, нет. Рим не разочаровал. Наоборот. Там было все так, как он и думал. Это, да – Рим.

-
- А где Потоцки? Граф. Из этой... Там, где леса, сарматы, волки... Его никто не видит.
 - Мне говорили о нем. Вот видите синьору в лиловом, да-да...
 - Complementary!
 - Не меня, Потоцки.
 - Ну, и где этот любимец Фортуны?..
 - Dolce far niente...

– Почему тебя интересует история Эстер?.. Ты хочешь писать картину, говоришь ты... Ты пьян?..

– Нет, еще, но ты говори, еврей, говори. Здесь, в Амстердаме, ты можешь говорить. А-а, я вижу, ты хочешь что-то сказать... важное! Выпьем!!!

Это было очень давно... Нет-нет, бюргер, ты даже представить не можешь насколько давно...

У Ицхака было два сына. И старший был Эйсав. А младшего звали Яков...

Эйсав был... Он жрать хотел... вечером после тяжелой работы... А Яков предложил ему чечевичную похлебку. С условием. За эту похлебку Эйсав должен уступить свое первородство...

Я знаю эту историю. Ты как-то странно произносишь их имена: надо Исав и Иаков. В твоей... я не могу выговорить...

- Ржечи Посполитой, Україні...
- Да, так у вас там и говорят, наверное, а у нас... но выпьем. А Исав продал Иакову, я – знаю.

... Нет-нет, они оба праотцы: каждый своего народа. Яков – евреев; Эйсав – ...Г-сподь сказал Моше, когда евреи вышли из Египта, а это был не простой путь. И Моше услышал, что ему не дойти до земли обетованной. Не войти ему. Ему – нет. Но вот Йехошуа бин Нун... Он придет туда.

Вы проходите через землю ваших братьев, сыновей Эсава, и они устрашат вас...

— Как, еврей, разве Исав родил людей, которые могли утратить Моисея, уничтожившего армию фараона?..

— Подумай, бюргер, Яков и Эйсав братья... И их сыновья – тоже братья. Сила их примерно одинакова, и потому Моше понял, что и евреи их утратят, но не нужно вступать в спор с ними. Пищу у сыновей Эйсав нужно покупать за серебро и есть ее. Воду – надо покупать за серебро и пить.

– Ну, хорошо. Какое же это имеет отношение к истории Эстер?

Черные всадники вынеслись из ночи. Их клинки прорезали тьму. Здесь у Рефидим напал Амалэйк на Израиль.

И нерушимо стояли на посту воины с копьями... Унеслась черная волна.

– Они вернутся! Они обязательно вернутся!

– Кто напал на нас?..

Еще раз вынеслись черные всадники.

Выскочил откуда-то со сна полунагой, мокрый от пота, иудей и от ужаса завопил, сразу сорвав голос:

– Кто вы?!.. А мы идем из Египта! Мы никого не трога...

Свистнула во мраке стрела, и сорванный голос, всхлипнув, умолк.

– Мы идем за Торой.

– Мы идем получить Закон, и мы получим его.

- _____
- Моше, почему Амалэйк напал на Израиль?
 - Я не знаю. Знал я, что надо идти мимо амалекитян – и мы шли, стараясь не коснуться их. Покупали еду и воду за серебро, как было надо. Но амалекитяне напали.
 - Может, ненавидят они бней Исраэль?
 - За что ненавидеть сыновей Израиля?
 - Я не знаю этого. Но позовите ко мне Йехошуа бин Нун. У нас будет совет.

Ночь заканчивалась. Посты были удвоены. Никто уже в лагере не спал.

Сын Нуна предложил ждать. Моше согласился. У Израиля не было конницы.

Йехошуа приказал сомкнуть повозки и ждать. Они вернутся. Обязательно вернутся. Со своими клинками. Дикими криками. Их конница обрушится внезапно.

Йехошуа обошел копейщиков. Он ничего им не говорил. Они знали, что им делать. Их обучали.

Стоять, уперев копьё, не двигаться с места. Стоять. Стоять.

Лучники не могли стрелять в темноту, они ждали солнца.

Надо отразить их первый натиск. Потом будет легче. Выдержать первый удар.

Когда они говорили с Моше, тот ему сказал, собрать израильских мужей и сразиться. И знали Исраэль, что по другому не будет.

На вершине холма стоял Моше с жезлом в руке. Он ждал...

Амалэйк, внук Эйсавы...

Пришел он.

Иногда Йехошуа удавалось посмотреть на тот холм, где был Моше. Увидел же он, что когда тот поднимал руки, то одолевал он Амалэйк – стояли его воины, и копья их поражали врагов, и стрелы сбивали всадников с коней. А когда опускал руки Моше, прорывались сквозь повозки черные всадники, и ничто не сдерживало удары их клинков.

Волна за волной бились амалекитяне о копья Израиля.

Глаза Амалэйка налились кровью. И продолжал кидаться со своими воинами на тех, кого он так ненавидел.

Тяжелый свинец постепенно заливал руки Моше, и они стали опускаться...

Все громче звучали торжествующие вопли амалекитян.

Тогда подложили камень, и Моше сел на него. И поддержали высоко его обе руки.

Были подняты обе руки до захода солнца.

Бессмысленно ржали кони, пятась от острых копий. И все больше черных бесформенных пятен замирало на белом песке...

Низложил Амалэйк и народ его Йехошуа бин Нун острием меча.

Падал Амалэйк с коня. Это было медленно и ужасно... И ударился о песок. Чуть не выскочили глаза его красные от солнца из орбит, а когда упал, не видел он какое-то время ничего, но вот снова смог смотреть и успел, успел! – Сверкнуло острие меча и приблизилось к правому стремительно глазу, а потом он уже более ничего не видел никогда.

Брызнул глаз Амалэйк в разные стороны!

Меч Йехошуа прошел сквозь глаз в мозг, и ударилось острие его о кость черепа со стуком.

Моше же писал в книгу, что изгладится память об Амалэйк из поднебесной. Брань же против Амалэйк из рода в род.

Тряслись руки Моше...

Первый из народов Амалэйк, но вот ему гибель...

Потом шли бней Израйль, и Моше говорил Йехошуа: – первые они, из тех, кто напал на Израиль...

Захор!

Помни же! Помни, как поступил с Израилем Амалэйк на пути, когда шли из Египта, как он встретил на этом пути...

А-а!.. Как побил сзади всех ослабевших!..

А-а! Когда те устали и утомились... А-а!..

Захор!

Еврей и голландец выпили уже много. И надо было выпить еще больше.
– Пей, художник, пей! Сегодня можно. Пей столько, чтобы не мог отличить Хгамана от Мордехая. Пурим!

«Я – Асвир, великий царь, единственный царь, царь стран на всех языках, царь этой бескрайней и простирающейся далеко земли, сын царя Дария Ахеменида, перса, сына перса – так говорит царь Асвир.

Вот страны, в которых я являюсь царем под сенью Ахурамазды, которые платят мне дань; все, что я требую у них, они исполняют и подчиняются моему закону. Мидия, Элам, Арахозия, Урарту, Дрангиана, Парфия, Вавилония, Ассирия, Египет, жители, живущие у соленого моря, и те, кто живет за соленым морем, Аравия, Гандара, Индия и Куш.»

Мордехай читал эти слова царя царей, он знал их, и они снились ему, и буквы врезались в грудь и душили ночью... И в реках Вавилона тонул он каждую ночь...

Порваны струны, и изломаны арфы...

В золотых одеждах ходила царица Вашти; сидела на золотом троне; золотая тиара касалась ее лба; царица Вашти – внучка Невухаднецара, дочь Бельшацара...

Навуходоносор, царь Вавилона, обрушивший Храм, Храм из Йэудеи в Иэрушалайиме... Храм царя Шломо...

Пир Валтасара... О-о, тот пир... Валтасаров пир!..

И убит был Бельшацар утром.

Осквернены были святыни Йэудеи на том пиру, а потом сбылось пророчество, и убит был утром Валтасар.

Царица Вашти ненавидит йэудеев и борется против восстановления Храма.

Царица Вашти подговаривает царя царей Ахгашвэйроша, пала на ухо царю Асвиру; злоумышляет царица Астинь – как же ненавидит дочь Бельшацара, как пышет ненавистью дочь Валтасара – царица Вашти, царица Астинь...

Умерли давшие жизнь Мордехаю; и дядя его Авихайль дал снова ему жизнь. И чтит Мордехай сын Яира дядю, как отца; и готов был на многое, а пока качал он родившуюся Хгадассу, дочь дяди...

И Мордехай рос, и Хгадасса росла. И вдруг тяжело заболела дочь Авихайля. Припавший уже к роднику мудрости Каббалы, Мордехай сказал:

– Надо дать ей другое имя, и смерть уйдет, может быть, уйдет. Так бывает.

Согласился с этим Авихайль, но спросил, какое же еще имя дать Хгадассе. И юный Мордехай, коснувшийся уже знаний Каббалы, тихо произнес:

– Мы здесь, здесь, на реках Вавилона; нам надо жить, надо уцелеть для Йэрушалайима, для восстановления Храма, для Света. Хорошо будет, если ее имя будет в то же время похоже на персидское или вавилонское. Вот как в имени Мордехай видят Параса имя бога Мардука, царя богов Вавилона.

– Какое же имя предложишь ты для Хгадассы, племянник?

– Я думал, дядя, думал уже. И вот есть имя. Мы говорим: Астара, Параса скажут: Эстер. Где-то еще – Эсфирь... А в Вавилоне услышат: Иштар. Богиня любви Иштар.

– Пусть будет Эстер.

И выздоровела Хгадасса. И звали ее уже Эстер.

Так жили.

Пришел же для семьи Хгадассы черный год – умерли ее родители. Тогда Мордехай вернул долг своему дяде; дал жить племяннице. И выросла Эстер. Пришло ее время.

Невиданный пир устроил царь Асвир. Семь дней пили персы в Шушане. Красное вино стекало по ступеням царского дворца.

И уже разговаривал царь со своим великим предком Корэшем царем Парас, победителем Вавилона ; тем, к чьим ногам бросили тело Бельшацара, отца Вашти царицы, его жены.

Да, знаю, что взял ты ее в жены, чтоб и мидяне, и вавилоняне еще больше чтили наш трон, чтоб отсвет пораженных царей Вавилона усиливал мощь Персии – да. Но покажи свою власть над царицей! Над старым Вавилоном!

Опрокинул из золотой чаши на голову себе царь Асвир пенящееся красное вино...

Плыла перед его глазами Вашти... Вот ее грудь... спина... бедра... ноги...

Развеселилось сердце царя от вина.

Приказываю, чтобы царица пришла... сюда... в тиаре...

П-пусть 127 народов видят ее красоту, ибо она красива! Как же она красива, параса!

7 евнухов пришли к царице Вашти и сказали, чтобы шла она к царю и его гостям – в тиаре.

Только в тиаре?..

В одной тиаре...

Пусть придет обнаженная царица Вашти в тиаре на голове.

Придет голая Вашти!..

Но говорили, что поразила Вашти проказа...

Но говорили...

Но...

Но царица Вашти отказалась придти на зов царя.

Не слышали такого раньше ни персы, ни мидяне.

И царь советовался с 7 министрами Парас и Мадам, сидевшими первыми: по какому закону поступить с царицей за то, что не исполнила она приказ царя. Молчали же и персы, и мидяне – не знали они что сказать. Тогда вышел одетый во все черное младший советник Мемухан и стал перед царем, и спросил, может ли он говорить. Царь же дал такое разрешение.

- _____
- Кто это? Кто это?
 - Зовут его Мемухан.
 - Нет, нет, он амалекитянин, имя ему – Хгаман.

Мемухан говорил вот что:
– Не против царя согрешила царица Вашти, но против всех первых людей царства и против всех народов во всех странах, где исполняется слово царя царей...

Мелех – царь... А Мелех...

– ... То, что произошло здесь, станет известным всем женам, которые будут презирать своих мужей и говорить: царь приказал царице Вашти предстать перед ним, а она не пришла. И сегодня же жены лучших людей Персии и Мидии, до которых дошло об отказе царицы, скажут об этом же своим мужьям. Какой же срам и переживания от этих женщин нам!!!..

Всем нам! Всем!

– ... Но если царь издаст указ без права отмены, что Ваш-ти за непослушание заслуживает смерть...

Смерть... Смерть...

– ... Никогда она больше не появится перед царем. Тиару ее царь отдаст другой женщине. Вот после такого указа все женщины станут уважать своих мужей.

Обрадовались персы и мидяне таким словам.

Услышал это царь Асвир. Нашел он такое разумным; понравилось ему – поступил царь по слову Мемухана.

Читал Мордехай этот указ и удивлялся. Говорилось же там, что каждый муж должен быть господином в собственном доме.

Царь же Ахгашвэйрош остался без женщины. Было ему это неприятно. Неправильно это было.

Вспоминал же он царицу ночью. Кровью наливались его глаза тогда от ощущения, что пронзает он весь Вавилон, да, весь Вавилон!.. И она так понимала – что за гордыня обуяла ее – так ведь и надо поступать с женщиной, хоть и царица она! А царица она – пока тот, кто так делает – царь!..

Но не спал ночью Асвир. Метался он. Слипались волосы у него; обливался потом он; был мокрый, слизкий... Неприятно было ему...

Приблизился Мемухан к царю. Посоветовал же он, чтобы разыскали Асвиру молодых красивых девушек. Много! Молодых! Красивых! Девушек!

– Пусть будут они под началом у твоего евнуха Эгая, стража жен. И будет он охранять и учить их, как правильно быть им с царем. А царь будет выбирать... Может быть, долго... будет выбирать... пробовать... испытывать... И это будет столько времени и так, как будет угодно царю Персии. Да.

Но вот и это пройдет. Тогда, кто понравится – станет царицей.

А до того времени, чтобы девушки не обижались, царь будет делать наиболее отличившимся подарки.

Опять понравился совет Мемухана царю, и приблизил он его и наградил. А Мемухан становился так все больше и больше. Не был Хгаман больше младшим советником.

Мордехай бен Яир из колена Биньямина... Так знал он себя, так знали его... Нет, это он не скрывал. Знали и в тайной службе царской, что он из Йэрушалайима, что он йеудей. И Мордехай знал, что это знают, что он дядя Эстер; воспитывает ее в память ее отца – его дяди Авихайля. И все это было известно.

Но вот, что не нужно было знать тайной службе, и этого не знала она. Получал свет Мордехай и наслаждался. Отдавал свет сын Яира и наслаждался. И желал, и творил – он сам был кли, был сосудом, принимающим и отдающим Свет. Мордехай бен Яир жил по Торе, жил по Каббале.

Кто же такой Мемухан?.. Вырос он – все сильнее и сильнее он... Значит, сейчас Параса ждет новую царицу. Хгадасса... Эстер... Хочет ли она?.. Есть ли выбор у нее – уже все сказано – разве известно то, что не может быть известно? Мы же судим по происшедшим событиям и действиям.

Корни... Листья...

Все сейчас вершится в Шушане. Есть и еще имя у этого города – Сузы. Персы же говорят – Шушан. И вот мы в изгнании. В Персии. В Шушане. Мелех Ахгашвэйрош – он сейчас решает судьбу Йэрушалайима, Храма, Йэудеев...

Неужели так зашло далеко?.. Имя бывшего младшего советника – Хгаман... Хгаман... Аман... Кто он?..

Царь Асвир решает... Его уста уже сейчас – или вот-вот уже... Хгаман...

Другого не вижу... Эстер...

И надо знать... все знать, что замышляется в Шушане...

Звезды... Черное небо Шушана.

– Что же, Мордехай, никто не любит евнухов, почему ты хотел видеть меня?.. Что подумает тайная служба царя?..

– Зачем им думать, сейчас думает, да? Уже? Хгаман, правда, Эгай – а они должны знать и рассказывать ему, а он уже, что посчитает нужным!..

– Откуда ты знаешь, Мордехай?.. Еще никто в Шушане не знает, что уже появился Хгаман.

– Но ты знаешь, Эгай, Хгаман не любит Параса; не любил он даже Вашти; и ненавидит он Асвира... ты не боишься, страж жен... Ты знаешь, что я говорю правду.

– Йэудей Мордехай и страж жен Эгай – неужели тайная служба об этом не узнает...

– Не хочешь же ты, Эгай, чтобы сначала убили тебя, потом царя твоего, а потом погибла Параса... Знаешь ли кто такой Хгаман?

– Но тогда... Или мы уже оба знаем, что Хгаман – амалекитянин...

– Хгаман – Амалэйк... Хгаман Агагид...

– Царь Агаг...

– Слушай, Йэудей, вечером захватят воины царя твою племянницу. Хгадасса она или Эстер... Во дворце ее будут звать Эстер. Я и страж наложниц Шашгаз... Она будет готова и будет ждать, когда царь испытает нужду в женщине. А потом он позовет еще, но уже Эстер. Позовет царь Асвир к себе Эстер. И полюбит ее.

– Возложит он на ее голову тиару царицы Параса.

Хгаман Агагиянин...

Хгаман Агагид...

Царь Агаг...

Захор

Помни, что сделал тебе Амалэйк, когда вы выходили из Египта...

Захор

Не забывай того, что он сделал...

Захор

Стереть память о нем.

Захор

Помни

Царь Агаг амалэйкитянин...

Исполнил царь Саул слова пророка Самуила...

Вот сбылось. Разгромил царь Шауль Амалэйк и избавил Израйль от рук его грабителей.

Была встреча Шмуэля и Шауля. Что же услышал Шауль... Не уходили слова эти, сказанные Шмуэлем. Говорил пророк, что судьба его, Шауля, быть помазанным на царство. Хотя не было до этого у Исраэля царя, но вот теперь Шауль станет этим царем. Царем над этим народом, над Исраэлем. И должен был Шауль, став царем, услышать, понять и исполнить нечто, ради которого, может, и был помазан он на царство.

Нечто новое – часть целого...

Творение – нечто из ничего...

Нет изменения в свете...

Изменения в келим, в ощущениях...

Многие смотрят на одно...

Каждый видит иначе...

Помнить должен Исраэль, что сделал Амалэйк Исраэлю, как он противостоял на пути при выходе из Египта...

От Шмуэля узнал Шауль, что Йэхошуа бин Нун получил потом сведения о сделке амалекитян с египтянами: заплатил фараон, чтоб Амалэйк убил Йэудеев. И взял Амалэйк эту плату. Но и без серебра, возможно, он захотел бы сделать это – велика была его ненависть к бней Исраэль.

Шмуэль посмотрел на меч первого царя Израйль и спокойно сказал: – Теперь иди и порази Амалэйк; истреби все, что у него; и не щади его, а предай смерти от мужа до жены, от ребенка до грудного младенца, от вола до агнца, от верблюда до осла.

Шауля передернуло. Озноб, прошедший по коже, почему-то не уходил. Эти странные необычные слова Шмуэля. Это были приказы. Он такого не слышал никогда.

Вот была ночь. И еще есть ночь. И спят пока двести тысяч копейщиков и лучников, которых собрал он – царь Йэудей. И дошли мы до Амалэйк. Рано утром – утром обрушимся на этих проклятых.

Были там еще народы. Не из амалекитян. И он пожалел их; предупредил их...

Уйдите! Уйдите же!

Выйдите прочь из Амалэйк... чтобы мне не погубить вас вместе с ними...

Шауль сам сказал старику, который вел их, не мог не сказать... Оно само сказалось, но это была правда: – Ты же сделал добро всем бней Израйль, когда шли из Египта.- И те ушли из Амалэйк. Царь Израйль отпустил их.

Поднялось солнце. И ослепительно засверкал белый диск.

Обрушился царь на Амалэйк!

Шеренги копий шли, сминая все на своем пути.

Тучи стрел впивались в коней амалекитян, в амалекитян; входили как нож в масло.

Поразил царь Исраэль Амалэйк от Хавилы до дороги в Шур, что перед Египтом.

Огромные ежи копий надвигались со всех сторон.

Сжались они... те, кто был указан...

Сжал их круг копий в комок.

Вышли вперед лучники и стали расстреливать.

Не вырваться сквозь копья...

Неумолкающий свист стрел.

Короткие тупые удары при входе стрелы.

Свист... и удары...

Выбили меч из рук Агага. Ударом в зубы опрокинули на землю и скрутили.

Приволокли к шатру царя Исраэиль Шауля.

А воины Йэудеи истребляли острием меча весь народ Амалэйк.

Думал Шауль и его военачальники, глядя на лежащего в прахе царя Амалэйк Агага, который молил о жизни и отдавал... отдавал...

Собрал Шауль войско царское, свое, и спросил негромко, не пощадить ли ему того, кто был над народом Амалэйк. Ударили воины по команде копьями о щиты все разом – гром их оружия накрыл Амалэйк. Сказал Шауль после этого, что подарим сейчас жизнь этому Агагу и лучшим овцам, и крупному рогатому скоту, ну, и скоту второго приплода, а также тучным овнам; всему хорошему. Не будем же их трогать. Но все малоценное и худое истребите.

Шмуэль же знал, что не исполнил полностью того Шауль, что должен был. Наполнилось скорбью его сердце.

Решил Шмуэль, что должен он срочно увидеть царя Исраэиль и исправить, что еще можно.

Вот встретились царь и пророк Исраэиль.

В шатре своем угощал царь гостя.

Сказал Шауль: – Исполнил я то, о чем говорилось.

Промолчал Шмуэль. Еще подождал, дождался и тогда уже спросил: – А что это за овцы блеют и мычат кто? Что в ушах моих? Сказано было: иди и разграбь, Амалэйк, и вой с ними до полного их уничтожения.

Не мог уже Шауль противиться Шмуэлю. Шмуэль же сказал, чтобы привели к нему Агага, царя Амалэйк.

Вот подошел к пророку Агаг в пыли и оковах. Мутными глазами посмотрел Амалэйк на солнце и закрыл их. В пустых веках его пришла горечь смерти...

Взял меч у Шауля и сказал Агагу Шмуэль: – Меч твой жен наших лишал детей. И мать твоя среди ваших жен лишится сына.

Вспыхнуло лезвие клинка на солнце, и рассек Шмуэль Агага в Гилгале.

Ждали евнухи, когда царь позовет их, нуждаясь в женщине. Когда же дождались, то, по приказу своего начальника Эгая, привели к нему Эстер.

И еще прошло время. А потом еще несколько ночей.

Но вот царь Асвир ночью позвал Эстер, дочь Авихайля

И еще звал царь Ахгашвэйрош Эстер.

И полюбил царь Ахгашвэйрош, и возложил на голову Эс-тер тиару.

Мордехай сидел у царских ворот. Он смотрел перед собой и сидел недвижно и равнодушно.

Никаких записей... Никаких следов... Ничто не спрячешь. Ничто не исчезнет. Но звук неуловим... Вот эхо... что-то донеслось... исчезло... шелест...

Евнухи – стражи входа... заговор...

Исчезло...

Бигтан и Тэреш решили убить царя...

Исчезло...

Заговор стражей входа...

Исчезло...

Царь Агашвэйрош не знает о том, что его хотят убить...

Люди с этими именами ничего не знают. В их руки вложили ножи, и они убьют, ничего не зная и ничего не подозревая...

Они знают только самих себя.

Пытки, смерть – ничего не значат для них. Не знаешь и не скажешь.

Никто... Ничто... Нечто...

Записано, что пришел йэудей Мордехай и сообщил, что стражи входа Бигтан и Тэреш решили убить царя. Этот Мордехай где-то услышал (на площади, во время случайного разговора) про намерение царевубийства. Будучи законнопослушным подданным царя Асвира, решил упомянутый Мордехай проследить сначала за этими проклятыми и самому убедиться, где тут правда.

И услышал йэудей разговор злокозненных, в котором договорились те, как они подстергут, когда будут нести стражу, выход царя и своими ножами осуществить страшный и преступный замысел!..

Записано, что во время пытки Бигтан умер, не успев ничего признать, а Тэреш сознался в умышлении царевубийства (выворачивание суставов, вырывание ногтей и другое). Во время неофициального выхода предполагалось одновременно нанести несколько ударов ножами в сердце и печень, а затем, отрезав голову, предъявить ее лучшим людям царства. И причиной этого злодейства были личные обиды проклятых на великого царя.

Их разоблачили и повесили.

Мертвый рядом с живым...

Ну... Оба – мертвые.

После смерти злодеев царь возвысил Хгамана сына Амдаты Агагита и вознес его, и поставил выше всех...

Как же поднялся Аман?

Кто этот Агагид?

Поставлю над вами Амана, чтобы властвовал над вами.

Месяц Адар – тайна адерет сзар (волосяное покрывало) – тайна...

Адар – бремя тяжелейшего...

Преодоление тяжелейшего – достижение самого большого света!

Тайна...

Тайна переплетения дорогих нитей.

Падали и простирались все ниц перед Аманом...

Выше всех стал Аман.

Стал богаче всех Аман.

В черном одеянии, в золотых и серебряных украшениях на черном коне медленно двигался к царскому дворцу Аман. И повсюду перед ним простирались ниц персы и мидяне.

Сидел Мордехай Бен Яир у царского дворца и делал свои записи. Как вдруг вокруг пали все оземь перед черным скакуном, шагом двигавшимся к царскому дворцу. Седок его, весь в черном, своим взглядом, будто пронзал копьем трепещущую лань, спины повергнутых перед ним во прах жителей Шушана.

И вот на груди черного всадника, где сердце, увидел Мордехай вышитое изображение идола...

Не мог йэудей склониться перед идолом.

Не пал ниц еврей перед этим идолопоклонником...

Надвигался черный конь с черным всадником, у которого на сердце было изображение идола, на одного, только на одного стоящего перед ним человека, среди великого множества павших...

Тяжело и медленно поднимается копыто... и падает...

Звенят серебряные цепи на тонких сухих черных ногах жеребца с налитыми кровью глазами...

Мертвая тишина вокруг.

Черный всадник и имя ему – Хгаман Агагид.

«Стоял же перед ним йэудей Мордехай, но не склонил головы, не пал ниц, не согнул спины и не отступил».

Хгаман повернул коня за шаг до еврея и, ударив своего коня, проскакал в царский дворец, минуя стоящего прямо.

Их надо истребить

Их надо истребить

Их надо истребить

Всех! Всех! Всех!

Кровь запеклась в уголках его губ. Ногти вонзил он себе в руки, сжав в судороге кулаки. Не мог он разжать их. И кровь брызнула с ладоней на его одежду. Но на черном запекшиеся капли крови плохо видны.

Черные глаза прожигали своим свирепым огнем, раздирая тела живых рваными ранами, и испугался своего слуги царь Асвир.

Но как стало уже обычным, сидели царь Асвир, возвысивший Хгамана сына Амдаты Аггита, со своим слугой Хгаманом и пили вместе они вино. И много выпили они.

Наступила ночь, когда Хгаман произнес: – Есть один народ... разбросанный и рассеянный между всеми народами...

Молчит царь, молчит... ждет, что я еще скажу... и как... Пусть.

Пусть ждет. Пусть... Ибо он давно ждет от меня этого. И ради этого я здесь...

И пили еще вино царь и Хгаман...

Много больше, чем обычно, выпили они.

А пищи на столе не было вообще.

И вот стали проливать они вино...

И Хгаман опустил чашу книзу и стал лить вино на пол...

– Они не исполняют, царь, твои законы.

Молчит теперь царь и слушает... Время слушать... Спешить некуда.

– Нет смысла, царь, их терпеть.

Куда спешить, куда... Зачем... Славный Хгаман, как близок он, как близок...

Пей же свое вино.

– Пусть же запишут, царь, истребить их.

Именно запишут. Этого уже не вырежешь. Никак. Слово царя изменить нельзя. Да-а?..
Надо будет подумать потом.

– ... Я же отвешу десять тысяч талантов серебра в царскую казну...

Ахуромазда, сколько же он украл у меня...

Нет-нет, это я сам подарил моему доброму Хгаману...

Это он покупает у меня их жизнь...

Так он отдает мне мое серебро...

Но мы не назвали этот народ...

– Смотри, Хгаман, я снимаю с руки свое кольцо и даю тебе. Так же, как серебро отдано тебе...

– ... Серебро отдано тебе... и тот народ, чтобы поступить с ним, как сочтешь нужным...

Лужи вина, темные до черноты, дырами в земле, смотрели в небо...

Мордехай сидел у царских ворот. Белое солнце стояло над ним.

Значит, первое письмо. Это письмо... на нем стоит царская печать... Это то кольцо, которое царь снял и отдал Хгаману... Запечатано это письмо царской печатью. Той же печатью. Важно ли это?.. Все имеет значение. Даже и то, как я называю его: Асвир или Ахгашвэйрош... В этом же письме написано...

В этом письме написано об уничтожении всех евреев в один день.

Это письмо запечатано царской печатью, и это письмо еще никем не прочитано.

Есть второе письмо.

Это письмо открыто.

Это письмо уже везде получено и прочтено.

В этом письме сказано об истреблении народа.

Во втором письме: народ не назван.

Город Шушан в смятении.

Значит, горожане знают...

Нет, они в смятении...

Ведь второе письмо открытое, и они о нем знают тоже.

Быть в смятении и знать все – это очень разные вещи.

Я знаю обо всем.

Мордехай сидел под белым солнцем у царских ворот в городе Сузы.

Хгаман думает, я не знаю о первом письме. Его люди следят за мной... Вот писец в черной шапочке... А там, за углом видны черные сапоги водоноса... Что ж они хоть что-нибудь, но что-то черное носят... И вот, напротив, черная накидка... Так: шапочка, сапоги, накидка...

Пусть видят – я сижу у царских ворот.

Мордехай стоял в царском саду, любимом месте наложниц царя, и ждал Хгадассу...

У царских ворот сидел его двойник под белым солнцем.

Соглядатай, который был напротив, остался там... Он лежал с перерезанным горлом в пыли без черной накидки, которой накрывался теперь Мордехай в дивном саду...

Хгадасса растерялась, она ничего не понимала; ей хотелось ничего не понимать и она говорили, говорила...

– ... Кто войдет к царю незванным – смерть!

Хгадасса говорила шепотом, но, казалось, она кричала. Весь сад слушал ее. Вот ворвутся стражи с топорами...

Только тот, на кого царь укажет золотым скипетром – будет жить. А если не укажет, не скипетром, не золотым...

Смерть... Смерть... Смерть...

– Как же тебе страшно, Хгадасса.

– Мордехай, тридцать дней царь меня не звал! Но он же уже захочет меня, захочет! Пусть он сам позовет меня! И я все-все тогда ему скажу, но так ведь – смееерть!..

– Знаешь ли ты, Хгадасса, что говорят в городе Шушан евреи о тебе и обо мне?

– Мордехай взял ее в дочери.
– В дочери.
– Это значит, что он сделал ее своей женой. Это же ясно, как белый день!

Ночь в дядином доме. Никого из посторонних нет.
Ночь. Тишина. Одни они: дядя и племянница...

Одни они в одной постели...

-Знаешь ли ты, Хгадасса, что говорят в городе Сузы о тебе и обо мне?..

Принес царице Эстер евнух Атах новости из города Сузы.

– Сузы в смятении, царица...

– И есть письмо, в котором говорится об истреблении народа, царица...

– Народ не назван...

И закричала криком великим и горестным Эстер...

Послала царица Атаха к Мордехаю, чтоб он узнал, что случилось, что происходит, что...

Пошел Атах к царским воротам и говорил с двойником Мордехая.

Слушала царица про серебро, которое Хгаман обещал отвесить за истребление иудеев в царскую казну.

И прочитала Эстер об этом. Прочитала оба письма, которые ей принес Мордехай...

– Вот, Хгадасса, я – возлюбленный царицы.

Так знаешь ли ты, Хгадасса, что говорят обо мне и о тебе в городе Сузы?..

– Вот этот, который сидит у царских ворот...

– Да-да, так что?..

– Он же знает каббалу...

– Он – каббалист.

– Я тоже это знаю.

– Вот. Он создал царицу.

– Как?

– Это – не царица. Это – шеда!

– Ш-ш-ш-ш...

– Шеда!

- Да! Точь в точь – царица! И именно она...
- Шеда?!
- Да! Выполняет в постели обязанности супруги царя!..

Обнаженная Эстер – не Эстер ублажала Асвира, и тело ее было послушно, как воск, и знала она все ухищрения блудниц Вавилона, и изнемогал в бессилии царь Ахгашвэйрош...

Ночь покрывала все.

Но нет греха на Эстер...

Во-первых...

И во-вторых...

И в-третьих...

Сказал тогда Мордехай Эстер: – Не думай же, что в царском дворце тебе удастся избежать участи остальных евреев. Ибо, если ты промолчишь...

Если ранее к царю шла шеда...

Теперь к царю могла обратиться только Эстер...

А шеда?..

Поняла Эстер, что вот он день, когда ее жизнь – это ее народ, а жизнь ее народа – это она. Тогда сказала она Мордехаю: – Поститесь же ради меня. Пусть все евреи не пьют и не едят три дня и ночи... И я буду поститься... А потом, против закона, я пойду к царю. И если мне суждено погибнуть – я погибну.

И наступил этот пост.

А потом Эстер сама пошла к царю – на смерть. Но тот простер золотой скипетр к царице, и палачи ушли.

Сказал царь Асвир царице, что выполнит ее просьбу, в чем же эта просьба? любую просьбу...

Гладил тело Эстер при всех царь Асвир, и бедра, и грудь, затем еще раз сказал: – Проси же, что хочешь: до полцарства будет дано тебе. Тогда Эстер сказала: – Прошу же я вот что: приди сегодня царь с Хгаманом, твоим приближенным, на пир, который я приготовила. И согласились царь Асвир и его приближенный Хгаман.

Радостный пришел Аман домой, где ждала его любимая жена Зэреш. Стал он ей рассказывать, как ценят его царь с царицей, что даже вот пригласила его сама царица на пир, куда он пойдет с царем вечером. И лег Аман на ложе, а лицо его было зеленое, поскольку мучили его страшные боли сзади, и кровь изливалась из него всякий раз, когда была у него нужда, а чем он больше изводил себя и всех вокруг, тем хуже ему становилось. Только Зэреш его могла удовлетворить. И подлезла жена его к нему, и сама стала делать все, чтоб отвлечь мужа своего от черных мыслей. Не просто ей приходилось, но очень умелая была эта женщина и терпеливая.

Весь в поту лежал уже Аман после достигнутого, благодаря Зэреш, и слушал ее, поскольку хитрость ее ему нравилась так же.

Гладила Зэреш Амана, успокаивая, и нашептывала ему:
– Теперь же построй виселицу высотой пятьдесят локтей и утром скажи царю, пусть повесит Мордехая, а ты придешь радостным на пир к царице.

Заснул Хгаман после разговора с Зэреш... спал он и видел...

Одетая в царские одежды стоит Эстер во внутреннем дворе царского дворца, а царь сидит на престоле. Увидел ее царь; снискала она его милость, и простер к ней золотой жезл, что в руке его был. Подошла царица и коснулась конца скипетра...

Царь Асвир посмотрел на Амана и сказал:
– Поторопись, Аман, чтобы сделать по слову Эстер...

И проснулся Аман. И пошел во дворец царский, а потом с царем пошли они на пир.

У царицы лилось вино рекой. Было вина больше, чем пищи. Сказал тогда царь:
– Скажи, что за желание у тебя?
Ответила ему Эстер, что у нее желание и просьба, если снискала она милость царя, и угодно ему это исполнить, то пусть царь и Хгаман придут на пир, который она приготовит и на завтра и сделает по слову царя. Согласился царь, и веселый Аман пошел к себе, но по дороге опять увидел Мордехая, сидящего у царских ворот, а тот не встал и не поклонился, и не двинулся. Исполнился гнева Хгаман, опять почувствовал себя плохо, но сдержался. А придя домой, стал рассказывать Зэреш о великом богатстве своем, о множестве сыновей своих, и как возвеличил его царь. А потом добавил Аман, что и царица никого, кроме меня и царя, не позвала, а также и на завтра я зван с царем.

– Но все это ничего не значит, пока я вижу Мордехая, сидящего у ворот царя.

И Зэреш ему сказала, что пусть приготовит дерево, а утром скажет царю, чтобы повесили на нем Мордехая, и весело бы пошел с царем на пир.

Понравилось это Хгаману. Приготовил он такое дерево.

И смотрела Зэреш, жена Хгамана на дерево, на виселицу высотой в 50 локтей, приготовленное ее мужем для Мордехая, и было ей приятно наконец и весело.

Готовился к этой ночи и Мордехай... Не говорил он ничего Эстер о приготовленном Хгаманом дереве, но уже знал и об этом. Но вот пришло время для его плана. Тогда, когда он раскрыл заговор против царя Ахгашвэйроша, не получил он награды, но Хгаман вдруг пошел в гору – стал самым богатым человеком царства, стал самым ближним к царю. Как произошло такое...

Сидел же Мордехай у царских ворот и читал...

Не Меня призывал ты, Яков, ибо тяготился ты Мной, Израэль

Дают – и если сможешь – наслаждайся...

Если делаешь правильно, то не должно у тебя быть никаких усилий, но ощущаешь наслаждение. Если цель правильная, то получаешь наслаждение...

Скрыто ли наслаждение...

Явно приходит наслаждение...

Цель – наслаждение. И правильное наслаждение...

И в скрытии – также наслаждение...

И опять сидел Мордехай у царских ворот и думал...

Царь – мелех... И есть Царь Небесный – и, говорят, это одно и то же. Царь и Царь... Но вот подлое и злое начало человека, Фараона – Царя Египетского. И этот Царь Египетский задает человеку вопрос: «Кто такой Творец, что я должен слушать его голоса?»

А-а... Сказано...

Не поклоняйтесь чужим богам

Значит, чужой царь не может быть... Ведь, «не поклоняйтесь»...

Царь Ахгашвэйрош отдал серебро назад Хгаману... и наш народ... Царь знает... Царь продал.

Но не взял серебро. Значит, продажа не состоялась.

Он подарил нас Хгаману?..

Или продажа не состоялась?..

Известно, что там, где написано «Царь» подразумевается Творец, Властитель мира. Но царь, что, действует по воле Хга-мана?.. Воля Амалэйк правит царем?..

Но и Фараон – Царь. Разве Фараон и Творец – одно и то же?.. Разве царь Ахгашвэйрош и Творец – одно и то же?.. одно и то же?..

Не поклоняйтесь чужим богам.

Царь – праведник...

Будет ли в этом случае подразумеваться Творец?..

Царь Ахгашвэйрош погряз в земном прахе. Он движим своими богами...

Царь же Асвир не спал в эту ночь...

– Слушайте же, вы дадите царю напиток из этих ароматных зерен. Они дадут ему силу и энергию, но не дадут ему уснуть. Тогда, как обычно, скажет царь, чтобы читали ему про события, которые происходили в его царстве. И вы прочтете... Вот теперь пришло время...

Читали же царю Асвиру памятную книгу. И прочли запись о том, как Мордехай раскрыл заговор и спас царя от смерти...

Спросил царь, что же было сделано для почета и уважения этого человека, чьи заслуги так велики перед царством. Но ответили царю, что нет, ничего не было сделано для спасителя...

Хгаман на своем черном коне летел к царскому дворцу. Он не мог дождаться утра – так хотелось ему получить указ царя о смерти Мордехая. Он уже видел, как тот висит... раскачиваясь на веревке...

Хгаман, оставив коня, вошел во двор и стал ходить по нему... рано он пришел, рано, но вовремя, пусть только царь выйдет, он первым его увидит и повесят по слову царя...

Видя черное небо – ночь царила над страной, нахмурился властитель Персии Асвир и спросил, есть ли кто во дворе...

Увидели же слуги, что по двору ходит Аман; черный человек быстро ходил, почти бежал, по двору – и стало им страшно, но сказали они своему царю, что, вот, Аман во дворе. Тогда властитель Асвир задумался ненадолго, а потом приказал: «Пусть же войдет Аман». И обрадовался Хгаман, и быстро примчался. А тогда царь Асвир спросил:

– Что следует сделать человеку, которого царь хочет почтить особенно?

Видел Хгаман сердце свое, видел, как оно билось сильно и равномерно.

Кому кроме меня захочет царь оказать почет?

И вот ответил Аман:

– Пусть принесут одеяние царя, которое надевал царь, и приведут коня, на котором ездил царь, а на голову этого человека пусть возложат тиару царя. Да, и пусть!.. Пусть!!!...

У Хгамана перехватило дыхание – он представил себе, как царь, сам царь! ведет своего коня, на котором сидит он, Хгаман, вот час торжества Амалэйк!!!

Рано... Еще рано... А потом, ты, жалкий потомок Корэша, царя Параса, в цепях!.. Рано.

– Пусть же дадут такое одеяние царя и коня царского в руки знатнейшего сановника, а тот, да оденет этого человека, отмеченного царем, в эти одежды царские; усадит на коня

царя; а затем выведет коня, на котором будет этот особенный человек, одетый царем, на площадь города Шушан. Пусть этот сановник возглашает: вот что делают человеку, которому царь желает оказать почести.

И... И властитель Асвир сказал Аману:

– Что же, возьми поскорей одеяния мои и коня, и сделай так, как сказал ты, для Мордехая, Йэудея, сидящего у царских ворот. Не упусти же ничего из того, что ты говорил...

И вот так все произошло. Вел Хгаман коня царя, на котором в царском одеянии с тиарой царя на голове, восседал Мордехай, и восклицал: «Вот что делают человеку, кому царь желает оказать почести!»

Ослепляющий пот лился по голове, по лицу, по телу – Хгамана...

Пот хлюпал под пятками Хгамана...

Ненависть сжигала Хгамана...

Вся площадь города Шушан смотрела на Амана и этого человека на коне царя, в царских одеждах и тиаре царя...

Это – Мордехай, который сидит у царских ворот.

Рассказали про это царю Асвиру. И он задумался.

Вернулся после этого Мордехай к царским воротам и сел у них, как и раньше.

Удрученный же Аман с покрытой головой ринулся домой.

И пришла к нему Зэреш. Подступила к мужу, но не хотел он ничего: ни пить, ни есть – ничего! Кроме одного: стал рассказывать Хгаман Зэреш, что произошло с ним в эту ночь и в это утро и в этот день...

Выслушала все Зэреш, пала к ногам Хгамана; вытерла своими волосами пот с его ног... А после прошептала она ему:

– Если Мордехай, пред которым ты начал падать, из Йэудеев, то не одолеть его, а неминуемо падешь пред ним...

Села Зэреш на пол и покрыла голову...

Пришли тут посланные царя и увели Амана на пир к Эс-тер...

Астара, что значит скрытие.

И покрыли головы вместе с Зэреш все мудрецы Хгамана...

Начался второй день пира у царицы, на котором были царь Асвир, его приближенный Аман и сама Эстер...

И под блюдами с едой и чашами с вином ломился стол.

Тогда сказала Эстер, что, если снискала она милость у царя, если угодно царю... Тогда оторвался от чаши с вином Асвир и посмотрел на жену свою...

– То пусть, о, царь, мне будет дарована жизнь моя... по желанию моему... и жизнь народа моего – по просьбе моей...

Замерло сердце Эстер и не билось... А потом снова удары ее сердца обрушились о грудь царицы...

Вот что еще услышал перс:

– ...Потому, что отданы мы, я и мой народ, на истребление, убийство и погибель. И если бы проданы были мы в рабы и рабыни, я молчала бы... А смерть...

Осушил параса чашу с вином, а затем удивился:
– Кто это? и где он, тот, что осмелился сделать так?

Как же удивился царь Асвир...

Мерные и сильные удары сердца Эстер были слышны на площади города Шушан.

И выговорила царица Эстер:
– ... недруг и враг – это злобный Хгаман!

Еще сильнее, чем днем, облился Хгаман...

Затрепетал Хгаман.

Затрепетал Аман пред царем и царицей...

В гневе вышел перс в дворцовый сад. И там ждал царь Ахгапвэйрош.

Задрожал Хгаман в ознобе то ледяном, то горячем – и стал молить царицу о жизни своей, ибо увидел, что решена ему царем злая участь. Просил Хгаман и припал к ложу, на котором была Эстер...

В это время вернулся царь Асвир – налилось кровью лицо его, и закричал он так, что и в Афинах услышали этот крик царя персов Артаксеркса: – Неужели ты еще и царицу насилуешь у меня в доме?!?!...

И накрыли лицо Амана...

Тогда один из евнухов Харвона сказал царю Асвиру про то, что во дворе у Амана и дерево стоит – 50 локтей в высоту...

Вне себя закричал владыка:

– Повесьте же его на нем!

И повесили Хгамана на дереве, которое приготовил он для Мордехая.

Утих гнев царя, когда увидел он, как задергались ноги Хгамана, как...

Удушливый запах вони, выделенной Хгаманом в момент смерти, навис над его домом.

Зэреш смотрела на дерево, которое по ее слову приготовили для Йэудея Мордехая... А висел на нем Аман!..

А гнев царя утих.

Перед тем, как приказал повесить Хгамана, сорвал у него с руки свой перстень царь Асвир.

Зэреш ударилась оземь и видела, как тогда, когда царь вручил ее мужу перстень, и был тот всемогущ, пришел домой Аман и советовался с ней, какой день избрать для гибели Йэудей. И не знал он, какой же день. И она не знала...

Тогда сказал Хгаман, глядя сквозь нее, нет знания для того, чтоб определить такой день! День радости для ненависти к Йэудей.

Решил тогда Аман, что это надо определить...

Вера выше знания...

Знание равно вере?..

Знание вне веры...

Вера вне знания...

Мордехай уже знал, что Хгаман принял решение: жребий – пур.

Брошен был пур.

И вот он: тот день адара...

13 день адара

Ветер раскачивал тело Хгамана, болтавшееся высоко-высоко...

Что думал Хгаман?..

Что вера выше знания?..

Разве жребий, это – вера?..

Разве жребий выше знания?..

Вера вне знания...

Жребий вне знания...

Мы не знаем меру вещей. Мы видим лишь ветви.

Вера

Знание

Судьба

Вне

Вне

Вне

Медленно падал жребий, брошенный Аманом... Замер перед самой землей...

Лежала Зэреш, у которой разорвалось сердце в день, указанный пуром... Весной, в 13 день адара.

В тот же день отдал царь царице дом Хгамана, а тот продолжал висеть на своем дереве 50 локтей в высоту, и вонь от него перебивала запахи дивных благовоний, подаренных царем своему приближенному.

Сидели в саду у дерева, на котором висел Хгаман, царь и царица, а перед ними стоял Мордахай в своем обычном наряде, но до не до условностей было теперь Асвиру...

Не рано ли я повесил Амана... Сможет ли этот Йэудей сдержать Амалэйк и их друзей?.. защитит меня, царицу, себя и своих Йэудеев от Амалэйк?.. Что скажут персы?..

Кого персы ненавидят больше: Амалэйк или Исраэиль?..

Я должен любой ценой удержать царство от разрушения – что мне Йэудея или Амалэйк?! Пусть столкнутся, ударятся и разобьются – лишь бы Эраншахр был велик и славен!

Улыбнулся царь Асвир, выпил вина из золотой чаши и снял со своей руки перстень, который сорвал с пальца Амана, и отдал его Мордехаю.

Велик и могуч мелех Ирана; вон он дает мне перстень власти – что, на самом деле, хочет мелех?.. Мелех Эраншахр...

Сказала царица шаху, что приняла решение поставить Мордехая во главе дома Амана.

Не хочет ли женщина моей смерти?.. Дом Амана – это сегодня весь Иран. И я между Амалэйк и Йэудея...

И снова Эстер молила царя отменить злой указ Амана Агагида и страшный замысел его – убить всех Йэудеев...

вот его повесили, жена его в прахе, но пока в силе указ о смерти Йэудеи...

Протянул царь Асвир золотой скипетр, и поднялась с колен Эстер и стала перед царем. Сказал шах Ирана:

– Пусть возвратят письмо с замыслом Амана об истреблении евреев...

Но вот отдал же я дом Амана царице, а его повесил на самом высоком дереве за то, что поднял он руку на Йэудею. Да.

Сейчас я брошу камень им на дороге. Камень, который им не поднять.

Бросьте камень на дороге, который им не поднять.

Хитроумный Исраэль, придумай же, как спасти себе жизнь!..

Но... Но... вы пишете об Йэудее все, что вам угодно – все! именем царя – да! И еще: не забудьте скрепить печатью, которая на моем перстне – на том, что я дал Мордехаю. Не забудьте! Потому что того, что написано именем царя и скреплено перстнем царя, отменить нельзя.

Нельзя отменить!!!

И радовался там, наверху, труп Хгамана! И радовался он, последней радостью!

Зарыдала Эстер...

Как же отменить то, что нельзя отменить?..

Мелех – царь... Царь – мелех...

Творец – Мелех?.. Всегда Мелех – Творец?

Чужой царь?.. Фараон?.. Или шах?.. Чужой...

Разве можно поклоняться чужим идолам?..

Чужой царь Ахгашвэйрош. Чужой.

Пришла вся в слезах Эстер к Мордехая и увидела у него писцов царских, которые написали, что приказал Мордехай; и прочли уже этот указ они царице. А было там написано:

«Разрешается Йэудее каждого города собраться и встать на защиту жизни своей; истреблять, убивать и губить всех вооруженных из народа – тех, кто напал на них – с детьми и женами; и разграбить имущество их в один день. И Йэудее быть готовой мстить врагам своим».

Стояла на этом указе печать перстня царя Асвира.

Вот вышел Мордехай от царя в царском одеянии из сине-ты и белых тканей, и в высокой золотой тиаре, и в мантии из белого льна и багряницы...

Был город Шушан в смятении...

Значит, все в городе знали?..

Знали все?..

Быть в смятении и знать все – нет, это не одно и то же.

Знать и подозревать – не одно и то же...

Знание и смятение не совпадает.

Смятение не выше знания.

Подозрение – вне знания.

Смятение вне знания.

И, увидев Мордехая, возликовал город Шушан.

Возликовал теперь город Шушан и возрадовался.

Знали ли в городе Шушан, чему радуются? Знали ли в городе Шушан, что ждет ненавистников Йэудей?..

Знание вне догадок...

Знание вне жребия...

Появились в доме Эстер неизвестные ей люди. Все они были Йэудея, и у каждого был кинжал. И один из них сказал царице, что прислал их Мордехай и велел ей сказать, что день этот решит судьбу Исраэиль.

Стремителен был полет голубей с письмами Мордехая к Йэудее.

Получили условный сигнал пятерки... и из пятерок – десятки, а из десятков – полусотни, а из полусотен – сотни, а из сотен – тысячи...

Не было мечей, так как мечи запрещены были для Йэудеи – только кинжалы...

Но по слову Мордехая раньше, еще тогда, когда Хгаман во славе мчался на своем черном коне, купила Йэудея луки со стрелами, а так же много приготовили отдельно наконечников и длинных, крепких и ровных шестов, обтесанных под эти наконечники. И вот по условленным сигналам дыма от костров, надели эти наконечники, каждый на свое древко, и с этими копьями ждала Йэудея нападения врагов.

А также много топоров купили у кузнецов Ирана.

А перед этим собиралась Йэудея за чертой городов; там, в полях, учились маршировать и держать строй, а также бою в тесных улочках и закоулках...

Так как бросил Хгаман пур.

И вот враги Йэудеи надеялись одолеть...

Звенело оружие, и не прятались Амалэйк и те из параса и мадам, кто ненавидел бней Исраэйль, и кто из других народов, также ненавидевших Йэудея.

И вот наступил 13 день адара.

День, на который указал пур.

И понеслись черные всадники туда, где жили Израэиль...

А за этими конниками брела черная толпа, бряцающая оружием.

А в головах этих черных людей было больше вина, чем пищи.

И были среди этих, не совсем уже людей, еще и другие – совсем уже не люди, чьи головы были одурманены особым секретным зельем – шли же они все в день, назначенный пуром, в 13 день адара – убивать.

Простучал копытами конь замыкающего всадника, и вдруг откуда-то рухнуло дерево... и еще... Так возникла преграда между конными и пешими убийцами. Так их отсекали друг от друга.

Сверху же на головы конных обрушились камни. Стали падать первые из них.

Но перед самыми домами вдруг встретил этих злосчастных огонь: огненно-нафтовые языки схватили их. Горело все это...

Пеших же расстреливали лучники: со всех сторон свистели и впивались с глухим стуком стрелы...

И в узких улицах городов Ирана некуда было деться Амалэйк, не было тут спасительных для них песков, как в дни царя Амалэйк у Рефидим... Много их полегло тогда, но кто-то и спасся... Этот же 13 день адара был днем пур.

А потом вышли бней Исраэйль с кинжалами, так как мечей у них быть не могло, лишать жизни тех черных, кто еще остался.

И в разных городах Эраншахра легли 76 тысяч.

И перебили Йэудеи всех врагов своих. И уже брали мечи этих в черном, и ударом меча убивали остальных, кто еще уцелел; убивали и истребляли и поступали с недругами по воле своей.

Вот шли бней Исраэйль и убивали...

Тогда увидели уже вооруженные и мечами Йэудеи 10 сыновей Хгамана.

Было выбито оружие из рук сыновей Хгамана...

Побросали мечи сыновья Хгамана.

Схвачены были сыновья Хгамана.

И Мордехай приказал их всех убить.

10 сыновей Хгамана, сына Амдаты, были убиты.

На грабеж же Йэудея не простерла руки.

Вот тогда сказал царь Ахгашвэйрош царице Эстер:
– О чем просишь ты? Каково желание твое, и будет удовлетворено оно. И будет это выполнено для тебя.

Сказала же царица Эстер:
– 10 сыновей Хгамана. Пусть бы повесили их на дереве Хгамана, где висит их отец.
И их повесили. Их тела повесили.

Йэудея же собралась, чтобы отстоять от врагов жизнь свою и покой, и убили из врагов своих больше 75 тысяч человек, а на грабеж не простерли руки своей.

Так было на 13 день адара, на 14 день адара – наступил покой, и сделали его днем пиршества и веселья.

И город Шушан возликовал и возрадовался. Настала для Йэудеи пора радости, веселья и почестей. И многие из народов стали Йэудеями, потому что охватил их страх перед Йэудеей.

Когда враги Йэудеи надеялись одолеть их, а обернулось оно так, что Исраэиль сам одолел врага, собралась Йэудея, чтобы наложить руку на тех, кто желал им зла, и никто не устоял против них, ибо страх охватил все народы. И все правители, и сатрапы поддержали Йэудею, так как охватил их страх перед Мордехаем, а тот был велик в доме царя.

Выброшен пур – установил он судьбу.

Выброшен жребий – установлен рок.

Хгаман видел жребий.

Мордехай узнал о пуре.

Установилась судьба.

Определился рок.

День же был. День 13 адара.

Создан вокруг человека огромный мир, в котором множества людей, у каждого из которых – множества мыслей – и всем в этом мире, в котором к каждому придут эти мысли, могут придти эти мысли. Праведник оправдывает же и себя, и весь этот мир; он притягивает высший свет для оправдания всех – он включает в себя все мысли этого мира – он и есть этот мир, и все люди – есть этот мир, включающий в себя и праведника. И это – каждый.

Дали свыше власть Хгаману.

Я поставил над вами Хгамана, чтобы властвовал над вами.

Бросал Хгаман жребий, определяя судьбы.

Думал Хгаман, что победит Израйль. Знал ли он?.. Разве знал он о своей смерти.

Думал ли Хгаман о судьбе? Разве думал он? Разве знал он? Зачем бы ему тогда бросать пур?..

Боялся Хгаман думать. И боялся Хгаман знания.

Преодоление пура Хгамана – преодоление самого тяжелого состояния – и тогда достижение самого большого света – в этом тайна переплетения дорогих нитей – шеш машзар. Когда появляется бегущий пробор, разделяющий волосы...

Судьба – это желание свыше, но судьба – это и желание снизу – переплетение...

Пур – Пурим – Йом Кипур (ки – пурим – ки – подобный – подобный – Пурим) – переплетение...

Название месяца Адар – адэрэт – плащ; адэрэт сэар (покрывало из волос).

...разделяющий волосы, два раза по шесть (шеш шеш) – возникает переплетение (маш-зар) – тогда удаляется чужестранец (маш-зар) – уходит зло.

Чужой... И царь чужестранец – чужой. Чужой царь. А чужой царь именно и может исполнить волю... Царь Ахгашвэйрош – разве он не чужой царь? И царь Ахгашвэйрош исполнял волю Хгамана. Чужой царь исполнял волю Хгамана. И, более того, переплетались и сплетались они.

Можно ли отменить указ царя и даже не царя, но от его имени, пусть и скрепленный царской печатью?..

Я так чувствую... Я так ощущаю... Я так понимаю...

Как царь сменяет царя, так и новый царский указ сменяет предыдущий царский указ, если царь этого хочет... или неявно хочет... или совсем не хочет, но жребий брошен.

Разве хотел чужой царь Асвир наградить Мордехая, когда награждал Хгамана? Где об этом сказано?.. И что мешало ему сразу наградить Мордехая, кроме личного нежелания?..

Я так вижу, голландец!

Но когда царский перстень оказался у Хгамана... перс... персты... перстень; когда царская власть стала уходить от Ас-вира, и даже царицей, в глазах Ахгашвэйроша, уж точно, захотел овладеть Хгаман – тогда его испугался царь Персии, и тогда только он вспомнил о Мордехаяе, и тогда только он наградил Мордехая, и себя спасал шах, сталкивая Мордехая с Хгаманом, рассчитывая, возможно, даже не на гибель Амалэйк, а хотя бы на ослабление; а о спасении Йэудей Ахгашвэйрош даже после смерти Хгамана не задумывался; и как было бы, если бы перс не стал уже бояться и Мордехая, и не уступил поэтому его настойчивости и последовательности, но, все равно, не только не помогал спасению Йэудей, а настаивал на неотменяемости царского указа; но уже, как сказано, стал с тех пор бояться царь Мордехая и вынужден был ему уступить.

Пей, художник, так мы их всех увидим.

Что же касается того, что не мог все равно Мордехай получить царскую награду, потому что в ней не нуждался, поскольку – праведник-то, как только царь все же дал эту награду, то Мордехай взял ее сразу и немедленно. А если б он не сделал этого или хотя бы промедлил, то тогда сбылось бы желание Хгамана: убили бы всех евреев даже после смерти амалекитянина.

Невозможно согласиться, что в Хгамане сосредоточено знание – Хохма. Или мудрость – то есть, левая линия. Не говоря уже о том, что: о каком вообще знании у Хгамана может идти речь? где об этом сказано? – но Хгаман вообще не доверяет никакому знанию и об этом сказано: он бросает жребий, который не выше знания – если Хгамана повесили – вот он результат, которого Хгаман достиг – и который – вне знания. И Хгаман, очевидно: вне знания и вне веры (он верит в чужих идолов).

А вот в Мордехеае – да, сосредоточено знание – Хохма – и об этом сказано: «И узнал Мордехай обо всем что делалось». А Хгаман как раз ничего не знал – ни об Эстер, ни об организации, возглавляемой Мордехаем, ни о ее стратегии – ничего. И в Мордехеае – Хасидим – вера: и это понятно, он – каббалист, он – праведник.

Именно, в Мордехеае: и левая линия – Хохма – мудрость; и правая линия – Хасидим – вера. Именно поэтому, его пур (жребий) и оказался установлением судьбы и определением рока, желаниями свыше и снизу одновременно; и этот пур Мордехая, но этот, – выше знания.

Скрытое – свыше, а раскрытое нам, так как скрытым управлять нельзя, а вот нам надо делать все, что только в наших силах, и только в этом мы можем действовать – делать, что можем.

Сказал рабби Йохананн: «Увидел Творец, что малочисленны праведники – взял и рассадил их во всех поколениях».

Объясняет Раши: «И основал на них вселенную».

Истинное наслаждение должно наполнить все желание и быть красивым....

– Слушай, слушай, датч Рем..., а..., датч Ремб... да, Ремб – нехай, так вот в Пурим едят такое печенье, такие треугольнички – хгамен-ташим – карманы Хгамана... Да, у України: это печенье называется: Хгамине вухо. И дети кричат: Хгамине вухо!!! Озней Хгаман. И вот! Когда

Пурим, то должен человек опьянеть до такой степени, чтобы не различить между проклятым Хгаманом и благословенным Мордехаем! Пей! Лехайм!!!

Слушай меня, Ремб... чи як там, Лехайм – за жизнь! Пьем!

Слушай, отам, українською, гетьман! Хгетьман! Да! И есть буква гэй – вот такая: ґ. И тоже: хг. И – Хгаман. Но... почему стихает буква хгэй?.. И почему Хгаман становится Аманом?..

Так вот, я тобі кажу, он – черный. Этот Хгаман! Весь черный. Все в нем – клипот. Нечистое. Нет в нем света – вообще. Никакого.

А перс... И нет в нем своего света. Он – как дзеркало. Отражает. Только отражает. Еще блискає. Пьем!!!

Рембрандт умыл руки.

Вот они на картине; все: Артаксеркс, Аман и Эстер... Все. Кроме Мордехая.

Там он...

Валентин, граф Потоцкий, бряцая саблею своею, подошел к той самой картине этого художника – как его, Рембрандт ван Рейн, кажется, так; ну, да, ван Рейн...

И посланы были письма с гонцами во все области царем, чтоб убить, погубить и истребить всех иудеев, малого и старого, детей и женщин в один день, в 13 день адара, и имение их разграбить...

Сознание Валентина помутилось... Все слилось в одно: картина... священный текст... кровь... кровь...

Кровь

Залило все кровью...

Что же было, что же было...

Еще письмо, потом еще письмо...

Царь позволяет иудеям находиться во всяком городе; собраться и встать на защиту жизни своей, истребить, убить и погубить всех сильных в народе и областях, которые во вражде с ними; детей и жен; и имение их разграбить...

Кровь начала набухать... Появились капли на полотне... Капли потекли по черному... По Аману... И первая капля упала на пол... Красно-черная капля...

Кап. Кап... Кап...

Потек ручеек...

Красная... кровавая лента... бежала уже по картине, сливаясь с черным...

Амалэйк – народ – кровопийца; народ, мечтающий напиться крови Израйль...

Захор

Захор

Местечко Ильи Виленской губернии.

- Панове, что же нам робыць?
- А что?
- Вот есть тут поляк-иудей.
- Как то может быть?
- Сам ведаю, что не может, но есть. Вот есть такой... Сейчас... Посмотрю... Авром бен Авром... То есть, Абрам сын Абрама. Или еще... Ага... Авраам сын Авраама. Так.
- Але ж... Де ж тут поляк?
- Є й поляк.
- Як то, поляк?! Не позволям!
- Отак, поляк. И... И... Добже. То кажуть...

И шепотом... шепотом...

- Не може бути!
- Неможливо!
- Але то так.

- А граф Потоцкий?..
- Чи знал про Валентина?..
- Як то може бути? Авром Авром – Валентин Потоцкий...

- Нехай буде суд та нехай...
- Вильно!
- Нехай, Вильно.
- Що ми тут собі...
- А нічого...

Вогнем і мечем.

Вогнем і мечем.

Вогнем

– А туда, туда... Рядом с Замковой горой... Ото там – де люди...

Костер около Замковой горы...

– И как же: второй день Шавуот...

– В праздник...

– Дрова привезли ото оті вон зі Сафьяник – і їх дрова, і подводи – та, бачите, оце ж вони.

– Зажигают! Вон, вон дым пополз!

– Такое зрелище, панянки, смотрите, когда еще такое будет, когда вы еще с Московщины вашей до нас приедете, да и такого уж там не увидеть теперь – только здесь, у Замковой горы...

– То вы осторожнее, панночка, щоб з вікна не випасти... А ви, панно, теж, й ще є місце для вас.

— Ой, дым пополз, пополз!..

Панычи пристроились сзади. Костра им не было видно — они копошились с платьями московских пани; те, увлеченные казнью, им не мешали — не до того...

В комнатке было жарко — за окном — холод... Ни холода, ни жары не замечали — ни панны, ни паны.

Первый, весь в поту, оторвался от своей панночки... й задивився на другу пару:
— Ти диви! Куди?.. Чи як?.. Ти диви!..

Панночки не повертали головы — дивилися на казнь.

Огонь разгорался постепенно; разрастался... расплзался...

— Что он там бормочет?..

— Что-то такое...
— Да не разберу...
— Бу-бу-бу...

— Он горит с молитвой...
— Да... Микадэш эт Шмобэрабим...
— О-оо... Благословен ты, Г-подь, освящающий имя свое...

-
- Умер Гер Цедек...
 - Умер праведник.

-
- Дивись, дивись, ота баба сміється, мов дурна – як конь рже!
 - А що це з нею?..
 - Зніміла дурепа.
 - Слова мовити не може...

-
- О, а це що горить?
 - Вози, вози!
 - Отих, зі Сафьяник...
 - Яке полум'я!
 - Жах!..

Пур

Речь

Ушки.

Кот пришел к Цезарю. Потеря спиной о ногу... Вдруг запрыгнул на колени и разлегся... Гай Юлий Цезарь читал речь Цицерона, защищавшего Целия. Он уже слышал сегодня эту речь в суде. Теперь можно было спокойно разобраться в сложившейся ситуации. Клодии, Цицерон и триумвиры... Кот смотрел прямо перед собой; неподвижный и бесстрастный...

Несколько лет назад я напал на племена белгов и разбил их. После этого больше крови не было. Но сейчас галлы опять объединились против римлян. Галлия в огне.

Толстенький хвостик.

– Гай, мне неприятны абсолютные утверждения... категорические суждения...

– Ты прав, Марк. Как правило, подобное характеризует грубых и недалеких людей.

Цезарь подложил под кота подушечку, чтобы он не царапался... Кот поерзал, устраиваясь поудобнее, запуская попутно когти в подушечку... Цицерон подумал о всепоглощающей любви Цезаря к комфорту...

Несмотря на это, я отправился в Луку, где мы – все триумвиры должны были встретиться. В середине апреля. Эта встреча – судьба Рима. И для триумвиров: меня, Помпея и Красса. Но до Луки я оказался в Риме. В суде.

Грязные запыленные калиги стояли в углу...

– Видишь ли, Гай я ввел ряд новых терминов.

– В самом деле? И...

– Я надеюсь, ты сможешь оценить их тонкость и изящество... definitio – определение, progressus...

– погоди, Марк... Безусловно, прогресс!

Кот пригрелся... Сам он как-то успокаивал... Некое равновесие природы... Приятное прикосновение к шейке... за ухом... Кот зажмурился...

В течение всего пребывания в Галлии я знал о происходивших в Риме событиях и вмешивался в них. В Риме остались двое моих доверенных лиц – Гай Оппий и Луций Корнелий Бальб. Они раздавали взятки и исполняли другие поручения. Знал я и об этом суде и захотел присутствовать.

– Видишь ли, Гай, я ценю твое общество, ты редкий сегодня собеседник, ты тот, кто может оценить некие построения...

Кот делал вид, что не слушает...

– Вот... скептицизм... таким образом, можно признать существование различных точек зрения и пользоваться всеми ими...

– Мне нравится, Марк, твой латинский... Как ты строишь фразу...

... обломок стрелы...

Итак, дело слушалось 4 Aprilis – перед претором Гнеем Домицием Кальвином. После защитительной речи самого Целия говорили Марк Лициний Красс и Марк Туллий Цицерон. Опровергалось обвинение Целия в попытке отравления Клодии. При этом Цицерон выступил против и Клодия Пульхра. Брата...

Нынешние консулы Гней Корнелий Лентул Марцеллин и Луций Марций Филипп недоброжелательно относятся к триумвирам. Марцеллин препятствовал проведению законов моими сторонниками и сумел добиться назначения уже мне преемника из числа ещё не избранных консулов следующего года. Таким образом, скоро я должен буду уступить провинцию... вероятно, Луцию Домицию Агенобарбу, убеждённому противнику триумвиров. Будут пытаться привлечь меня к суду.

Ржавое копьё... pilum...

— Вот благороднейшая задача... согласие сословий... Да, *concordia ordinum* в сочетании с согласием всех благонамеренных...

— Ты имеешь в виду... *consensus bonorum omnium*. Возможно ли добиться такого... Я не уверен, Марк... Хотя стремление к подобному...

Кот тронул хозяина лапкой. Мягкое прикосновение...

Pro M. Caelio

За Целия – почему за Целия – неважно. Хотя... Но это потом... А вот почему против Клодии, Клодия...

Красс и Цицерон... Странная пара... Я увижу Красса в Луке. И Помпея. Ничего не получится у Цицерона. Кажется, он ошибся. Но... И Красс, и Цицерон – сулланцы... Я ненавижу Суллу... И я ненавижу сулланцев...

Красс... У стен Рима – сражение у Коллинских ворот. Вначале Сулла уступал... но благодаря Крассу, командовавшему правым флангом... марианцы потерпели полное поражение...

... зловоние рва с трупами...

Во время Союзнической войны Цицерон служил в армии Суллы. Потом он жил тихо и созерцательно, изучая философию, риторику и право. Это было до окончательной победы Суллы; при этом сам Цицерон утверждал, что был на стороне Суллы...

— Чем же отличаются люди от животных... Я думаю, речью...

— Да, мой кот не говорит.

— А почему ты не дал ему имени?

— Я давал. Но он не отзывается.

— Есть разные приемы, в результате которых...

– Конечно, но мне хотелось, чтобы он сам... Однако, такого желания не возникло. При-
чем, я пробовал называть его и Луцием, и Марком...

– Разве можно давать коту человеческое имя?

– А какое ты бы предложил имя?

– Ну, например, Гай! Я шучу, Цезарь...

– Разумеется. Попробуем?.. Цезарчик!

Кот спрыгнул с колен и медленно пошел к двери; остановился, повернул голову... Цезарь
встал и открыл ему дверь.

Итак, Клодия... Как ее называть... Клодия Пульхра Терция, стала Клодией, в первом
замужестве Клодия Метелла... Clodia Pulchra Tertia или Clodia Metella... иногда Клодилла.

Не все ли равно, как ее зовут или звали... Пожалуй, нет. Имя создает человека... Или
человек создает имя.

Не очень удачный брак... Плохой муж или ужасная жена...

... серебряное кольцо...

Весталка рассказывала, что она сама видела... Как ее звали?.. Да, так она утверждала...

Зеленая трава... Яркое солнце... Подростки... Они лежат на траве... Потом она склоня-
ется над ним... Какие-то звуки... И потом... потом...

Красивые юные тела... и стоны...

Она сама видела. Так она сказала.

... зеленая травинка...

Клодий с Клодией? Да?

Не верьте никаким слухам. Не верьте. Хотя я понимаю.

- _____
- Хорошо... объединение людей в гражданской общине...
 - ...civitas. Именно. Но пойдем дальше... государство – res publica. Это – достояние народа.
 - Если я верно понял, это – res populi.
 - Отлично.
 - Однако, я могу воспользоваться другим значением res – вещь.
 - Разумеется.

Тяжелый орел легиона простер свои крылья над Галлией. Он кричал:
– Vae victis!!!

Да... горе побежденным.

Цицерон встал, сделал несколько шагов и сказал...

Pro Marco Caelio

[1 Si quis, iudices, forte nunc adsit ignarus legum, iudiciorum, consuetudinis nostrae, miretur profecto, quae sit tanta atrocitas huiusce causae, quod diebus festis ludisque publicis, omnibus forensibus negotiis intermissis unum hoc iudicium exerceatur, nec dubitet, quin tanti facinoris reus arguatur, ut eo neglecto civitas stare non possit; idem cum audiat esse legem, quae de seditiosis consceleratisque civibus, qui armati senatum obsederint, magistratibus vim attulerint, rem publicam oppugnarint, cotidie quaeri iubeat: legem non improbet, crimen quod versetur in iudicio, requirat; cum audiat nullum facinus, nullam audaciam, nullam vim in iudicium vocari, sed adolescentem

illustri ingenio, industria, gratia accusari ab eius filio, quem ipse in iudicium et vocet et vocarit, oppugnari autem opibus meretriciis: [Atratini] illius pietatem non reprehendat, muliebrem libidinem comprimendam putet, vos laboriosos existimet, quibus otiosis ne in communi quidem otio liceat esse.

Какой превосходный латинский язык! Это потрясает! Юпитер Статор!!!

Маленький мерзавец – почему бы это сам Цицерон так старался?

... Цезарь вслух произнес: «Так. Последнее творение Катутла...» Он оторвался от речи Цицерона в пользу поэзии. Прочел, перечел...

Odi et amo. Excrucior

Ненавижу и люблю. Муу-ка!

Цезарь вернулся к речи.

Sic...

1) Если бы здесь, судьи, случайно присутствовал человек, незнакомый с нашими законами, судоустройством и обычаями, то он, конечно, с удивлением спросил бы, какое же столь ужасное преступление разбирается в этом суде, раз в торжественные дни, во время общественных игр, когда все судебные дела приостановлены, происходит один только этот суд; у него не было бы сомнения, что подсудимый обвиняется в столь тяжком деянии, что государство – если только преступлением этим пренебрегут – существовать не сможет; а когда этот же человек услышит, что есть закон, повелевающий привлекать к суду в любой день мятежных и преступных граждан, которые с оружием в руках подвергнут сенат осаде, учинят насилие над должностными лицами, пойдут на государство войной, то порицать этот закон он не станет, но узнать, какое же обвинение возбуждено в суде, захочет; если же он услышит, что к суду привлекают не за злодеяние, не за дерзкие поступки, не за насилие, но что юношу блестящего ума, деятельного, влиятельного обвиняет сын того человека, которого сам этот юноша в настоящее время привлекает и уже привлекал к суду, и что при этом его обвинителей снабжает денежными средствами распутная женщина, то сыновнюю преданность самого Атрадина он осуждать не станет, но женскую похоть сочтет нужным укротить, а вас признает чрезвычайно трудолюбивыми, коль скоро вам, даже когда отдыхают все, передохнуть нельзя.

Какой период! Блестяще! К сожалению, в конце можно забыть о начале... Но к делу...

Большинство неприглядных как и приглядных фактов биографии Клодии было известно ему. В речи больше упиралось на все плохое. Цицерон рекомендовал её как всеобщую подружку и как особу не только знатную, но и общеизвестную, упоминал о её инцесте, любовниках и подозрительной смерти мужа.

Пришлось вернуться к началу, кое-что вспомнить... Sic...

...губы женщины сомкнулись...

Милон и Клодий... К этому, вероятно, придется вернуться... Убийцы обычно убивают... Или их... Но тоже убийцы. Sic...

Бедная Клодия: обвинителей Целия снабжает денежными средствами распутная женщина... Это наш ритор о ней... Чувствуется греческое влияние.

Гладий вошел в шею тихо... почти бесшумно...

Цицерон сделал паузу и веско сказал:

– Все видели Марка Целия в расцвете его молодости только с его отцом или со мной, или в высококонравственном доме Марка Красса.

Вокруг зашумели. Лицо Красса налилось кровью. Откуда-то из глубин донеслось: «Скажи, что, пошутил, дорогой!»

Перечитывая речь, Цезарь удивленно подумал, что, оказывается, ему это не послышалось. На самом деле, это тот, кто гневно вопрошал: «Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением? Как долго еще ты, в своем бешенстве, будешь издеваться над нами? До каких пределов ты будешь кичиться своей дерзостью, не знающей узды?»

Цезарь не поленился; сам достал речи Цицерона о Катилине – нет, он не мог до такой степени забыть... Конечно, нет... «Quousque tandem abutere, Catilina, patientia nostra? Quam diu etiam furor iste tuus nos eludet? Quem ad finem sese effrenata jactabit audacia?»

Доколе же, наконец, Катилина, ты будешь злоупотреблять нашим терпением? До каких пор твое бешенство будет ускользать от нас? Где предел твоей необузданной дерзости?

Как искренне все было тогда... А сейчас тоже искренне. Действительно, почему же юный Марк Целий не мог дружить с Катилиной? и сам Марк Цицерон с ним дружил... Редкого обаяния был Катилина. И я с этим не могу спорить. Смешно думать все же о редком благонравии того, кто и сейчас жил на деньги Клодии.

Вернемся же к речи... Что там наш оратор?... Так что же Катилина?

Ворон посмотрел черным глазом... подпрыгнул и клюнул... раз... и другой...

«... Что же касается брошенного Целию упрека в дружеских отношениях с Катилиной, то это подозрение менее всего должно на него падать; ибо Катилина, как вы знаете, вместе со мной добивался консульства, когда Целий был еще юношей. Если кто-либо докажет, что Целий тогда присоединился к Катилине или что он отошел от меня, то – хотя немало порядочных юношей было на стороне этого негодяя и бесчестного человека – пусть будет признано, что Целий общался с Катилиной чересчур близко. Но, возразят мне, ведь впоследствии он – это мы знали и видели – был даже в числе его друзей. Кто же станет это отрицать? Но я пока защищаю ту пору его молодости, которая сама по себе является нестойкой, а ввиду похотливости других людей легко поддается соблазнам и лишь когда Катилина вторично домогался консульства, Целий принял его сторону. Но до каких же пор, по-твоему, нужно опекать юношество? Мы-то всего год в свое время должны были прятать руку под тогой...»

Претор слушал защитника и не очень понимал, чего тот добивается. Картина вырисовывалась грустная. Публика хихикала. Кто-то поинтересовался, где теперь держит руки Целий.

Не нужно спешить... Не нужно спешить... Возможно, это – только начало. Позже, наверное, позже, знаменитый Цицерон поинтересуется, где доказательства, подтверждающие вину

Целия, что они из себя представляют... А моральный облик Целия или же Клодии... Это не совсем касается правосудия. Этические нормы и нормы права связаны, но не идентичны. Посмотрим, посмотрим...

Марк Туллий продолжал громыхать:

«Так вот, кого в этом возрасте не защитит его собственная порядочность и чистота, домашнее воспитание и природные достоинства, тому, как бы ни оберегали его родные, не избежать заслуженного позора. Но кто в первую пору юности обнаружил чистоту и беспорочность нрава, тот, окрепнув, ставши мужем среди мужей, не вызывал уже сомнений в добром своем имени и скромности».

Претору стало скучно. И публику ушедшая юность Целия заинтересовала постольку-поскольку. Дела давно ушедших дней. Так, так... Что там Цицерон?..

«...Да, Целий, уже несколько лет посещавший форум, взял сторону Катилины. Но и многие другие, разных лет и из разных сословий, поступили так же! Ибо все вы, я думаю, помните: в Катилине было множество если не очевидных, то все же заметных черт величайших достоинств. И удар его, пагубный отечеству, потому-то и был так грозен, что громада его пороков опиралась на уменье обращаться с людьми и переносить лишения. Так отклоним же, судьи, эту часть обвинения, и пусть не считается преступлением знакомство с Катилиной, – или же пусть Целий разделит вину со многими, в том числе и честными людьми.

Меня самого, меня, говорю я вам, Катилина едва не обманул когда-то, ведь он показался мне добрым гражданином, приверженцем лучших людей, стойким и верным другом. Само преступление его я раньше увидел, чем угадал, раньше застиг, чем заподозрил.

Поэтому хоть Целий и был в многолюдной свите друзей Катилины, тем не менее он должен скорее сожалеть о своем промахе (как и сам я порою стыжусь, что ошибся в том же человеке), нежели бояться обвинений в дружбе с ним».

Кальвин вспомнил, как без всякого суда душили друзей Катилины... Требовал этого Марк Туллий...

Цезарь бросился к окну – ему было плохо. С Публием Корнелием Лентулом – нет, он не дружил; а с кем он дружил? но он был из их круга, он был своим; они пили вместе; Лентул был веселым и бесшабашным... Кто там знал еще, а был ли он заговорщиком – суда не было... Законник из Арпина добился смерти катилинариев без суда... И Катон. Но он – Цезарь – пытался. Он пытался... Он попробовал.

Слышали? Цезарь защищает Катилину!
Его самого надо задушить!
Молодец Цицерон!
Республика в опасности!!!

– Еще этот остался...
Палачи схватили этого, последнего... Он сопротивлялся... Успел крикнуть, что он невин... Довольно долго хрипел... глаза закатились...
– Все. Иди, доложи консулу.

... мокрый каменный пол...

– Славно, Гай, славно. Вот они у греков: демократическая республика, аристократическая республика, монархия. Я говорю: *civitas popularis, civitas optimatium, regnum*.
– Значит, общество народа, общество... или община... лучших... царство.
– Главное не в этом, потому что все это вырождается в тиранию. Демократию мы получаем, как говорят греки, в виде охлократии – плебс, а не народ! Лучшие становятся олигархами, а царь тираном.
– Но ничего не остается. Марк, может, вообще стоит обойтись без *civitas*?

Цезарь вспомнил: Катилину тогда обвинили в сожительстве с весталкой Фабией, сводной сестрой жены Марка Цицерона, между прочим. Потом... грабил все и вся. После Катилина решил стать консулом, но действующий консул Луций Волькаций Тулл не допустил его к выборам: его обвинили в незаконном обогащении. Обвинителем Катилины в суде по делам о вымогательстве магистратов (*quaestio de repetundis*) выступил Публий Клавдий Пульхр – брат Клодии (в будущем – демагог Клодий), а защищал Катилину Марк Туллий Цицерон – наш борец за чистоту рядов. А... да-да, дед Цицерона был женат на Гратидии, чей брат женился на сестре Мария. Марк Марий Гратидиан был Цицерону двоюродным дядей, а на двоюродной тётке Цицерона Гратидии был женат Луций Сергей Катилина.

Тогда, видимо, его еще не беспокоило все то, в чем он так здорово и профессионально, но позже, обвинял Луция Сергия Катилину: участие в проскрипциях Суллы, когда он убил Гратидиана, проматывание нажитых денег, сожительство с весталкой, совращение малолетних, грабительская политика во время наместничества, многочисленные подкупы и лжесвидетельства. Похоже, опять перестало беспокоить.

Цезарь задумался... И Клодий... он вдруг примкнул к триумвирам и был выбран последними для укрощения сената и устранения Цицерона.

Собственно, я сам выбрал его. Проблема Цицерона – это странная история. Нужно было найти решение, и я его нашел... Для начала...

Для начала, умер великий понтифик Квинт Цецилий Метелл Пий, и эта высшая должность освободилась. Я выставил свою кандидатуру; альтернативными кандидатами были Квинт Лутаций Катул Капитолин и Публий Сервилий Ватия Исаврик...

Многочисленные подкупы во время выборов, из-за которых мои долги сильно выросли... А что было делать?.. трибы, которые голосовали, определялись жребием непосредственно перед выборами, стало быть, пришлось подкупать представителей всех 35 триб. Кредиторы с сочувствием отнеслись к этим финансовым потерям. Это очень важно – контролировать религию.

Какие красивые легенды!

Я, уходя из дома перед оглашением результатов, сказал своей матери: «или я вернусь понтификом, или совсем не вернусь»!

Я сказал: «Сегодня, мать, ты увидишь своего сына либо верховным жрецом, либо изгнанником!»

В общем, я стал понтификом...

Избрание пожизненным великим понтификом гарантировало успешную политическую карьеру. Великий понтифик мог участвовать и в гражданской, и в военной деятельности без серьёзных сакральных ограничений. Хотя обычно великими понтификами избирались люди, бывшие консулами (консуляры), в римской истории были известны и случаи, когда эту почётную должность занимали сравнительно молодые люди.

К слову, я же понтифик... Что там с буквой «С»?..

Кориолан – Gaius Marcius Coriolanus, Publius Clodius Pulcher – Клодий, CLODIA PULCHRA TERTIA-Клодия, Marcus Tullius Cicero-Цицерон, Appius Claudius Caecus-Аппий Клавдий Цек, Appius Claudius Crassus Regillensis Sabinus – Аппий Клавдий децемвир, Gaius Valerius Catullus – Катулл, ну, и Gaius Iulius Caesar...

С стремится к власти,
Власти любой и
Власть эту получит.
Надолго ли, вопрос...

Да-да... Кориолан – абсолютная власть... Понятно... Клодий... Что же, кумир плебеев, за ним – убийцы; он терроризирует весь Рим – об этом позже... Клодия – власть любви, несомненно... Наш славный Цицерон, так беззаветно любящий власть – мне самому не угнаться... Но далее... Цек... – мы к нему вернемся... Безусловно. Старая римская доблесть, отполированная властью... Катулл... О, власть поэзии!..

Odi et amo!!!

Потом... И я...

С...

И что? Что с того? Что из этого?..

Что-то было про букву «М»...

Мысли на дно души нырните...

...И тогда почти одновременно умирают Корнелия, моя жена, и тётя Юлия. На их похоронах я произнёс две речи. В память о Корнелии...

Он не мог говорить... его душило...

...он напомнил о замужестве Юлии с Гаем Марием и показал народу его восковой бюст... похороны Юлии стали первой публичной демонстрацией изображения Мария с начала диктатуры Суллы...

И я женился на Помпее, внучке Суллы...

И я женился на Помпее, внучке Суллы...

С победы Луция Корнелия Суллы и началом проскрипций моя жизнь оказалась в опасности: диктатор не щадил никого... А я... племянник Гая Мария и зять Цинны. Марий и Цинна – главные враги Суллы. Он потребовал от меня... развестись с женой. Зачем? Он так захотел. А я... я отказался это сделать...

– Цезарь в проскрипциях!!!

Я бежал...

...стук копыт... стук копыт... ближе... ближе... стук копыт...

Влиятельные родственники в Риме тем временем сумели добиться помилования для Цезаря.

– Дополнительным обстоятельством, смягчившим диктатора, стало происхождение Цезаря из сословия патрициев, представителей которого консерватор Сулла ни разу не казнил. Да-да.

Сулла смотрел на свои руки... пятна на руках... Такие были у деда... на старых руках... коричневые большие пятна... Он уступит. Он уступит этим патрициям. Конечно, уступит... Цезарь... У этого Цезаря... такие блестящие серо-голубые глаза, каких не бывает у людей... Недаром он – Цезарь... Сулла харкнул... Он уже мог себе это позволить...

Я – Сулла!.. губы в трещинах... руки в пятнах...

– Вы ничего не понимаете, если не видите, что в этом мальчишке много Мариев.

...еще одна голова...

...поскакала...

Немного отвлечемся... Помпея, да, внучка Суллы...

Мне объяснили... тогда... ты же хочешь вернуться в Рим... безопасно... Прекрасная девушка...

– Ну, почему же, Цезарь. Я думаю о другом... республике нужен своеобразный мягкий диктатор, который должен мирно разрешать противоречия.
Кот вернулся.
– Цезарчиик...

Ммя

Тоже в апреле... я тогда организовал и провёл Мегалезийские, а в сентябре – Римские игры, роскошью удивившие даже искушённых римлян. Затраты я разделил поровну со своим коллегой, этим пьяницей Марком Кальпурнием Бибулом, но овацию получил только я. Сначала предполагалось показать самые массовые бои гладиаторов, но сенат, опасаясь бунта такого количества вооружённых рабов, издал указ, запрещающий одному человеку приводить в Рим больше определённого числа гладиаторов. Пришлось подчиниться этому, но я выдал каждому гладиатору серебряные доспехи, и эти гладиаторские бои навсегда запомнились римлянам. И я преодолел сопротивление сенаторов и восстановил все трофеи Гая Мария, демонстрация которых была запрещена ещё Суллой. Да, это было.

– Диктатор, который был бы вне всех интересов.
– Как у египтян: живой Бог.
– Для Рима – слишком, пожалуй, но что-то...

– Очень мягкое вино, попробуй, Марк...
– Да, чудное... Возвращаясь к тому, о чем мы мы говорили... Итак, *ius naturale*.
– Естественное право.
– Безусловно. Мы не знаем... точнее, можем не знать, что такое добро и зло, но мы отличаем добро от зла. Нам это дано. Произошло получение. Так же право и беззаконие.
– Но есть и другие законы. Человеческие.

– Они есть. И в них заключено человеческое несовершенство. Общество договорилось – и все.

– Да, но природное право также оформляется людьми. И в этой части, естественное право оказывается тоже несовершенным.

– Но закон все же стремится к совершенству. Мало того, он может развить природное право, как-то улучшить его. Это не исключено.

– Я соглашусь, потому что имеющееся несовершенство не исключает не только стремление к совершенству, но и достижение такого уровня. И я бы добавил, что и в природе не все идеально. Так вот, несовершенство общественного договора не является ли естественным? не должно ли так быть? именно так? заведомо несправедливым?..

– ...ius gentium... Гай, право народов по значению превосходит ius civile, то есть права отдельных общин, в том числе и Рима...

– Это звучит логично, но стоит ли ущемлять самим себя?

– Закон не знает преимущества.

– Так ли? Закон именно утверждает неравенство.

Бедный Луций Сергий Катилина

– Марк, возможно, я увлекся... В самом деле, когда все жители Рима и были гражданами Рима, то преимущество получил только Ромул, но позже...

– Гай, республика вышла за пределы города и только поэтому я говорю о необходимости принцепса, ректора, диктатора, наконец! Право народов является суммой законов общин, а может, необходимой доминантой.

– Но это коснется не только Рима. Ущемлены будут интересы любых других общин. И... неизбежно будут ущемлены права граждан. Права людей. Права одного человека.

– Гай, Гай... слишком точное следование букве закона может привести к несправедливости. В любом случае, а нарушение закона... изначально несправедливость...

Потом я возглавлял постоянный уголовный суд по делам о разбоях, сопровождавшихся убийством (quaestio de sicariis). В судах под моим председательством было осуждено немало убийц по проскрипциям Суллы, хотя диктатор издал закон, не позволявший вести уголовное преследование против этих убийц. Несмотря на мою активную деятельность по осуждению соучастников диктатора, убийца указанных в проскрипциях Луций Сергий Катилина оказался оправдан и смог выдвинуть свою кандидатуру в консулы на следующий год.

Как же я боролся против Суллы и сулланцев! Кровь на улицах Рима – мне никогда это не нравилось...

Сулла мог многое... Мог убить меня... Мог приказать убить меня... Мог не заметить, как меня убьют...

Слухи, пошли слухи... распространение слухов о «первом заговоре Катилины» было выгодно Цицерону... О моем участии во всем этом... Этот сулланец Цицерон становился опасным.

...Помпея, да, внучка Суллы...

– Я бы назвал – *rector rei publicae, tutor et moderator rei publicae, princeps*... Скорее так...
– Интересная мысль, Марк. Мне нравится... *princeps*...
– Первый среди равных.
Кот сказал: «Ммя».

Мы встретились с Клодием... Тогда еще Клавдием...

– Какое дивное фалернское у тебя, Цезарь!!!
– Пей, не стесняйся...
– А что ты ждешь от меня, Цезарь?..

Запах волка.

Звериный нюх Клодия... Я еще и сам не до конца представлял, что... Но он уже чувствовал...

– Я тебе доверяю, Клавдий... Клавдий. Послушай, ты даже не представляешь, насколько. Но ты – Клавдий.

– То есть, ты – Юлий.
– Именно. Именно, поэтому. Что нам до плебса? до уроженцев Арпина? Особенно до них?

Страх.

– Сейчас ты мне поверишь. Помпея, внучка Суллы...
– Твоя жена...
– Внучка Суллы...
– Если я верно понял... Развод?..
– Верховный жрец обладает меньшей свободой, чем ты – ты, именно, ты мне нужен.
– Я тебе нужен сейчас, чтобы помочь потерять жену из семьи Суллы, а потом?
– Потом... Не волнуйся, ты нужен. Нужна твоя свобода.

В новом доме Цезаря проводился праздник в честь Доброй Богини с участием одних лишь женщин...

Дивные цветы... Их запахи... Запахи самых знатных римлянок...

Обнаженные матроны, залитые вином...

Дикие танцы... Запах их кожи...

Удары барабанов... Визг флейт...

Даммм! Даммм!

Что же тогда там запретное?.. Запретное... Запретное...

Душераздирающий визг женщин!

Сверкающее лезвие ножа

... в дом тайно проник мужчина...

Он! Он!...

Это он!...

– Сенат народа римского. нам надо решить это дело. Этот человек... Взятый в Киликии в плен, но скоро отпущенный морскими разбойниками, он прибыл в Рим, где обвинил Катилину в вымогательстве, но после получения денег от него снял обвинения. Сейчас он обвинен в оскорблении богини целомудрия Вона Деа, так как во время праздника которой в доме Цезаря и на котором мужчинам нельзя быть, он проник, в женском платье...

– Это сплетни, но это верное дело, к жене Цезаря, своей любовнице. Представляете?

– А что же Цезарь?..

– А что же Цезарь?

– Сенат постановил считать случившееся святотатством... Также потребовали проведения праздника заново и наказания виновных.

– ...ходят слухи, что этот Клавдий оказался в доме Цезаря в женском платье именно из-за его жены.

– Какие-какие слухи?..

– Никакие не слухи! Истинная правда!

Не дожидаясь суда над Клавдием, понтифик развёлся с Помпеей Суллой.

Они много выпили: Юлий и Клавдий. Пили всю ночь...

– Слушай... Не забывай, главное впереди...

– Да, и твой суд тоже...

– ...мы подкупим судей...

– А я сам запугаю сенат...

Страх... страх...

– Твое главное оружие – устрашение. Тебя боятся. Тебя будут бояться. Ужас и страх.
– Пусть боятся. Выпьем, Юлий.

А главное уже было...

Но он еще нужен... Все еще нужен...

– Представляешь? Судебный процесс состоялся, и Клавдия оправдали, поскольку Цезарь отказался свидетельствовать против него! Я полагаю, что у Помпеи действительно был роман,

но Цезарь всё же не решился свидетельствовать против быстро набирающего популярность этого... Кроме того, большинство судей в коллегии проголосовало табличками с неразборчивыми надписями, не желая навлекать на себя гнев сторонников и противников Клавдия. Во время суда, когда Цезаря спросили, почему он развёлся с женой, если он ничего не знает о случившемся, он якобы ответил, что жена Цезаря должна быть вне подозрений.

– Возможно, Цезарь имел в виду, что должна быть вне подозрения жена великого понтифика – верховного жреца Рима.

– Возможно. Это – тоже возможно...

– Никакого вина, даже разведенного...

– Конечно, ты же уже разведен.

– Конечно. Теперь дальше...

– ...С этой целью ты будешь усыновлен плебеем из рода Фонтеев... и примешь имя Клодий. Клодий, а не Клавдий...

– Мы тебе поможем... Клодий...

– Клодий? А, ну, да... Клодий... Как я люблю народ...

– Запомни, ты будешь выбран в народные трибуны... Расположишь к себе законопроектами – о раздаче хлеба народу, а консулов – обещанием дать требуемые ими провинции...

– Тебя все интересовало, что же главное... И когда...

– Пожалуй...

– Народный трибун Клодий... Пришло время защищать римских граждан...

– В самом деле. И что же?

– Да, вот... Пришло время защищать римских граждан, трибун... Ты, ты потренируйся. Тебе это будет надо.

Клодий – великий юрист Рима. Вот он идет по...

– Клодий терроризировал Рим. Его боится весь Рим. Отряды гладиаторов Клодия могут убить любого гражданина Рима.

Или не убить. Кого надо убить, Цезарь?..

Загнанный всадник (кажется, из Пилатов) в уже замызганной тоге плюхнулся в бурую лужу. От ужаса он только мычал... К нему подошли трое; один достал кривой нож и всадил его под ключицу: сверху вниз. Лужа забулькала красными пузырьками...

Страх... ужас и страх...

– Послушай, ты все время проигрывал процессы... Именно, ты, ты, потомок великого юриста, внесешь этот законопроект. Ты скажешь Риму – всякий, кто без суда и следствия убил римского гражданина, должен быть подвергнут наказанию.

– Это, действительно, может сказать только великий юрист! Цезарь – ты велик.

– Но Риму скажешь это ты. Мало того, перед тем, как сказать это Риму, ты скажешь эту аксиому права самому Цицерону.

– Ты имеешь в виду, смерть катилинариев... Цицерон был тогда консулом... когда без суда казнили...

– Цезарь, видел бы ты белые глаза Цицерона! Он бежит! Он бежал!

Беги, Цицерон, беги!...

– Что с законом, Клодий?

– Этот закон был принят после добровольного удаления Цицерона в ссылку.

– Чудесно.

– Что с тобой, Помпей, на тебе лица нет? выпей фалернского...

– Спасибо, Цезарь, прекрасное вино, но знаешь ли ты, что творится? После бегства Цицерона в ссылку, Клодий приказал разграбить его имения и разрушить дом, обгоревшие руины которого затем купил и воздвиг на этом месте роскошный дворец. Став во главе вооружённых

шаек, он смело и безнаказанно совершает... все совершает! Он даже напал на меня, своего защитника! Я едва осмеливаюсь показываться на площади и в сенате.

– На меня тоже напал. Как говаривал Цицерон: О, tempora! О mores...

Красные языки пламени дергались над домом Цицерона. Клодий в красной обуви плясал на обломках! Он подпрыгивал и кричал:

– Гоп! Гей-гоп!

Когда-то, когда Клодий был совсем молодым, он был на Понте Эвксинском – Эх! – пил там, гулял там! веселился!

Претор Кальвин вспомнил знаменитый закон Клодия о неприкосновенности граждан...

«Странный человек этот Клодий-Клавдий», – подумал претор.

Цезарь вернулся к речи...

«Как ни мечись Медея, никогда б она...» не доставила нам столько неприятностей, «больна душой, любовью дикой мучаясь». В этом, судьи, вы убедитесь, когда я покажу вам в своем месте, как этот самый переезд и эта палатинская Медея как раз и стали для молодого человека источником всех бед или, вернее, всех сплетен.

Итак, Цицерон обвинил Клодию в том, что она принесла бесчестие своей семье, а также заклеил её Медеей с Палатина...

Однако... жена Цицерона – Теренция – постоянно кричала, что и сам Цицерон находится в связи с Клодией... что Клодия мечтала стать женой Цицерона.

Клодия лениво наблюдала, как уже достаточно немолодой, некрасивый, лысоватый... там много еще чего... целует ей пятки... Он любит целовать ее всю... Клодия медленно перевернулась на животик... Она чувствовала, как поцелуи поднимаются по ножкам к коленям... скользят по бедрам... дивным полукружиям...

Что-то говорили об отношениях Марка и с дочерью... Туллеей...

Нежная девичья грудь... Легкое движение воздуха...

Крик.

Так что там с буквой «С»?.. Сила ее безмерна... Да. Это – понятно, а вот буква «М»... Буква «М» опасна букве «С». Буква «М» может убить... Правда, может. Может убить... тех, с буквой «С». Так можно сегодня и не уснуть. Зачем?.. Но все же... все же... А кто там рядом – с буквой «М»...

Почти утро... Нельзя быть таким мнительным, нельзя. Марк Антоний... Он тоже не любит Цицерона – при чем тут я?.. Марк Юний Брут... Полная ерунда! Может, еще сказать март... Martius... Заснуть... Очень желательно заснуть... Марк... Март... Марк... Марк... Ма...

Чем так страдать, лучше вернемся к Цицерону...

«...Я, со своей стороны, постараюсь, чтобы вы не дали веры этим свидетелям, и не позволю, чтобы приговор этого суда, который должен быть справедливым и непоколебимым, основывался на произвольных свидетельских показаниях, которые очень легко выдумать и ничуть не трудно перетолковать и извратить. Я приведу доводы, опровергну обвинения доказательствами, которые будут яснее солнечного света; факт будет сражаться с фактом, дело с делом, соображение с соображением»... Юпитер, просто, Юпитер!

«...Итак, оставим это, чтобы, наконец, обратиться к тому, на чем основано само наше дело». Не прошло и... Так в чем же все-таки дело?..

Гром голоса Цицерона заставил претора посмотреть на оратора и услышать:

– Чего вам еще, судьи? Я просал вам внимание, с каким вы его слушали...

Потрясающе! Бедный претор! Чего только не выслушаешь от лучшего оратора Рима.

«Ведь когда приятель мой, Публий Клодий выступал необычайно убедительно и резко и, горя гневом, говорил обо всем в самых суровых выражениях и громовым голосом, то я, хотя и одобрял его красноречие, все же не боялся. Ведь я уже видал, как безуспешно он выступал в нескольких судебных делах...»

Как он осмелел наш Марк Туллий из Арпина! Правда, при чем тут Целий, его защита? Он не боится Клодия, не боится претора Кальвина... Кальвин... Интересно... Неужели все дело в деньгах Красса?..

Но вот оно... «Итак, предъявлено два обвинения – насчет золота и насчет яда; к ним причастно одно и то же лицо. Золото взято у Клодии; яд искали, как говорят, чтобы дать его Клодии...»

А-аа, вот, и Клодия... «Вижу я вдохновителя этих двух обвинений, вижу их источник, вижу определенное лицо, ту, кто всему голова. Понадобилось золото; Целий взял его у Клодии, взял без свидетеля, держал у себя столько времени, сколько хотел. Я усматриваю в этом важнейший признак каких-то исключительно близких отношений. Ее же он захотел умертвить; приобрел яд, подговорил рабов, питье приготовил, место назначил, тайно принес яд. Опять-таки я вижу, что между ними была жестокая размолвка и страшная ненависть. В этом суде все дело нам придется иметь, судьи, с Клодией, женщиной не только знатной, но и всем знакомой... нам предстоит иметь дело с ней одной. Если она не заявляет, что предоставила Целию золото, если она не утверждает, что Целий для нее приготовил яд, то я поступаю необдуманно, называя мать семейства не так, как того требует уважение к матроне. Но если, когда мы отвлечемся от роли этой женщины, у противников не остается ни возможности обвинять Марка Целия, ни средств для нападения на него...» Иметь дело с Клодией – это одно, а иметь дело с Целием – совсем другое. Суд, то бишь, претор, я бы выбрал Клодию!

«...если бы мне не мешали враждебные отношения с мужем этой женщины; с братом ее, хотел я сказать – постоянная моя обмолвка. Теперь я буду говорить сдержанно и постараюсь не заходить дальше, чем этого потребуют мой долг и само дело. Ведь я никогда не находил нужным враждовать с женщинами, а особенно с такой, которую все всегда считали скорее всеобщей подругой, чем чьим-либо недругом».

—

Это мне особенно запомнилось... Простой бы человек уже лежал бы на земле с расквашенной рожей. Но нет, совсем нет, наш сулланец продолжает...

—

Ничего себе, этого я не помню... видно, я выходил... С ума сойти, наш придурок из Арпина так верит в финансовый ресурс Марка Лициния Красса? но почему он решил, что весь, а меньше не поможет, свой потенциал легендарный победитель Спартака потратит именно на... А на что?..

—

«Итак, пусть восстанет перед ней кто-нибудь из этой же ветви рода, лучше всего – знаменитый Слепой; ведь меньше всех огорчится тот, кто ее не увидит. Если он восстанет, то он, конечно, так поведет речь и произнесет вот что: «Женщина, что у тебя за дело с Целием, с юнцом, с чужаком? Почему ты была либо так близка с ним, что дала ему золото, либо столь враждебна ему, что боялась яда? Разве ты не видела своего отца, разве не слышала, что твой дядя, дед, прадед, [прапрадед,] прапрапрадед были консулами? Наконец, разве ты не знала, что ты еще недавно состояла в браке с Квинтом Метел-лом, прославленным и храбрым мужем, глубоко любившим отечество, который, всякий раз как переступал порог дома, доблестью своей, славой и достоинством превосходил, можно сказать, всех граждан? Почему, после того как ты, происшедшая из известнейшего рода, вступив в брак, вошла в прославленное семейство, Целий был с тобой так близок? Разве он был родичем, свояком, близким другом твоего мужа? Ничего подобного. Что же это в таком случае, как не безрассудство и разврат? Если на тебя не производили впечатления изображения мужей из нашего рода, то почему тебя не побудила к подражанию в женской доблести, свойственной нашему дому, происшедшая от меня знаменитая Квинта Клавдия или знаменитая дева – весталка Клавдия, которая, обняв своего отца во время его триумфа, не позволила его недругу, народному трибуну, совлечь его с колесницы? Почему тебя привлекали пороки твоего брата, а не добрые качества отцов и дедов, неизменные как в мужчинах, так и в женщинах, начиная с моего времени? Для того ли расстроил я заключение мира с Пирром, чтобы ты изо дня в день заключала союзы позорнейшей любви? Для того ли провел я воду, чтобы ты пользовалась ею в своем разврате? Для того ли проложил я дорогу, чтобы ты разъезжала по ней в сопровождении посторонних мужчин?»

Но почему, судьи, я ввел такое важное лицо, как Аппий Клавдий? Боюсь, как бы он вдруг не обратился к Целию и не начал его обвинять со свойственной ему цензорской строгостью. Впрочем, я рассмотрю это впоследствии, судьи, причем я уверен, что, выступая даже перед самыми строгими и требовательными людьми, я сумею оправдать образ жизни Марка Целия...»

—

Цек... Appius Claudius Caecus...
Аппий Клавдий Цек... Слепой...

Аппий построил Аппиеву дорогу...

Via Appia... Плиты... плиты... облитые солнцем плиты камней... Склонившиеся под игом головы деревьев... Красная земля... рыжая земля... волны, смытые с суровой и мощной дороги...

Дорога Аппия... многослойный щит из камня. Верхний слой из отполированных и тщательно подогнанных друг к другу базальтовых плит, булыжников... между ними нет щелей или выбоин.

А Аппий Клавдий, проверяя качество кладки, пытался вставлять между плитами лезвие кинжала, и если ему удавалось это сделать, участок дороги в этом месте разбирали и начинали мостить заново.

Щиты легионов, сомкнутые и недоступные ни для копий, ни для мечей, ни для кинжалов...

Солнце Рима... Ночная поступь Рима... *regina viarum*... Да, царица дорог...

А я был смотрителем Аппиевой дороги и отремонтировал её за свой счёт... неплохо было бы провести здесь где-нибудь и еще дорогу... Я это непременно сделаю... потом... И назову... Ну... *Via Appia Nuova*...

У него была борода, и он построил первый водопровод.

...во время двух консульств и претуры, одержал ряд побед в Самнитской войне...

Знаменитый юрист написал «De usurpationibus»... «Usurpatio» в широком смысле предполагает пользование, применение, употребление... незаконное пользование... незаконное употребление...

После поражения при Гераклее Пирр предложил мир... И римский сенат был почти готов принять это... Узнав об этом, слепой Аппий приказал отнести себя в курию, и обратился к сенату:

– До сих пор, римляне, я никак не мог примириться с потерей зрения, но теперь, слыша ваши совещания и решения, которые обращают в ничто славу римлян, я жалею, что только слеп, а не глух... Вы боитесь молоссов и хаонов, которые всегда были добычей македонян, вы трепещете перед Пирром, который всегда, как слуга, следовал за каким-нибудь из телохранителей Александра, а теперь бродит по Италии не с тем, чтобы помочь здешним грекам, а чтобы убежать от своих тамошних врагов... Не думайте, что, вступив с ним в дружбу, вы от него избавитесь, нет, вы только откроете дорогу тем, кто будет презирать нас в уверенности, что любому нетрудно нас покорить, раз уж Пирр ушел, не поплатившись за свою дерзость, и даже унес награду, сделав римлян посмешищем для тарентинцев и самнитов...

– А ты, женщина, – это уже я сам говорю с тобой...

В постели, мне, кажется, вряд ли он с ней так говорил...

И... А-а, он продолжает...

Цицерон громыхал:

– ...итак, я выберу кого-нибудь из твоих родных и лучше всего твоего младшего брата, который в своем роде самый изящный; уж очень он любит тебя; по какой-то странной робости и, может быть, из-за пустых ночных страхов он всегда ложился спать с тобою вместе, как малыш со старшей сестрой.

Претор поморщился...

—

Это уж слишком... Слишком... И сам он с ней... Как он ее клеймил?.. Квадрантария. Дешевка. Куда уж дешевле. Квадрант. Это очень мало. Еще есть такая монетка?.. Да. Это – Клавдии. Выскачка из Арпина. Плебей... Нет, кажется не плебей... Однако, до Клавдиев... Но ладно.

—

Что это еще он говорит?.. Ну, да...

—

– Такой отец, пожалуй, скажет: «Почему же ты рядом с распутницей поселился? Почему ты соблазнов явных бежать не решился?»

—

Цезарь скользнул взглядом... «...которая всем отдавалась; ее всегда кто-нибудь открыто сопровождал; в ее сады, дом, Байи с полным основанием стремились все развратники, она даже содержала юношей и шла на расходы, помогая им переносить бережливость их отцов; как вдова она жила свободно, держала себя бесстыдно и вызывающе; будучи богатой, была расточительна; будучи развращенной, вела себя как продажная женщина. Неужели я мог бы признать развратником человека, который при встрече приветствовал бы ее несколько вольно?»

—

А имел ли Катилина вообще какое-то отношение к собственному заговору?..

—

Но он продолжает.

—

«Итак, ничем дурным не пахнет это житье по соседству... ничего не значит людская молва, ни о чем не говорят, наконец, сами Байи? Уверю вас, Байи не только говорят, но даже гремят о том, что одну женщину ее похоть довела до того, что она уже не ищет уединенных мест и тьмы, обычно покрывающих всякие гнусности, но, совершая позорнейшие поступки, с удовольствием выставляет себя напоказ в наиболее посещаемых и многолюдных местах и при самом ярком свете».

—

Красс думал о своем... Он считал... Цезарь... Помпей... Помпей... Цезарь... А что он делает здесь?.. Кажется, Цицерон просил... Это – несущественно... Эта Клодия – очень инте-

ресная женщина. Какие бедра! Была прибыль по инсулам... Нужно послать к... как ее... Клодии... Нужно договориться... Можно, кстати, все переиграть... Отдать ей этого Целия...

Красс потер шею; стал слушать дальше...

– ...Но если кто-нибудь думает, что юношеству запрещены также и любовные ласки продажных женщин, то он, конечно, человек очень строгих нравов – не могу этого отрицать... И в самом деле, когда же этого не было? Когда это осуждалось, когда не допускалось, когда, наконец, существовало положение, чтобы не было разрешено то, что разрешено?

– Вдоль Аппиевой дороги Красс распял 6000 гладиаторов!
– Кресты с обеих сторон! Я сам видел!

– Вот, вот Марк Лициний! Вот сам Красс! На коне! Смотрит, как этих животных распинают по его приказу!

Грохот ударов по гвоздям. Скрип деревянных перекладин. Удары! Скрип! Удар! Скрип!

– ...но также и в объятиях и поцелуях, в пребывании на морском берегу, в участии в морских прогулках и пирах, так что она будет казаться, не говорю уже – распутницей, но даже распутницей наглой и бесстыдной, то что подумаешь... о каком-нибудь молодом человеке, если он когда-нибудь проведет время вместе с ней? Что он блудник или любовник? Что он хотел посягнуть на целомудрие или же удовлетворить свое желание?..

Но триумф мне не дали... Мне спасшему Рим от Спартака... Надо купить эту Клодию. Пусть привезут ее ко мне.

Цезарь прочел: «Я уже забываю обиды, нанесенные мне тобой, Клодия, отбрасываю воспоминания о своей скорби; твоим жестоким обращением с моими родными в мое отсутствие пренебрегаю; не считай, что именно против тебя направлено все сказанное мной». А-а, так вот оно. Чуден Цицерончик, чуден.

— Итак, если Целий сказал тебе правду, о, необузданная женщина, то ты сознательно дала золото на преступное деяние; если он не посмел сказать правду, то ты золота ему не давала.

Юпитер, какой осел! Ослик... Что я здесь делаю?..

И что? Поистине, странный вывод. Так много говорили о его мастерстве... У него проблемы с логикой... Мне нужно придумать что-то с решением... Я же был уверен, что он в состоянии сам обосновать... Еще и ночь из-за него не спать... Животное... Не мог нормальную речь подготовить!

— К чему мне теперь противопоставлять этому обвинению доказательства, которым нет числа?

Хоть одно! Тварь какая! Хоть одно!!!

Кальвин незаметно вытер пот со лба...

— ...если только эта всесильная женщина, получив и уплатив один квадрант уже не сблизилась с банщиком.

— У меня есть 5 квадрантов! Я хочу быть на месте банщика!

— И я!

— И я!

Претор тихо сказал:

— Тишина.

— Ведь вы, судьи, уже давно понимаете, что я хочу сказать или, вернее, чего не хочу говорить.

Зачем же так откровенно... *Квадрант* – четверть асса, мелкая медная монета... Лучше я бы имел дело с Клодией...

Красс внимательно слушал...

— Брак ее не был счастливым. Клодия подозревалась в связях с женатыми мужчинами. Кажется в их числе был оратор... Цицерон... и даже рабами. Пила. Играла. Её муж скончался при загадочных обстоятельствах; Клодия подозревалась в том, что отравила его.

— Что еще?

— Красс, после смерти Цецилия Метелла Клодия становится вдовой с приличным состоянием. У нее романы, в том числе, с поэтом Катуллом и с его другом, Марком Целием Руфом.
— И Целием... Любопытно...

И еще ночь... еще ночь среди распятых...

Острый гвоздь и доска.

Ночь не заканчивалась... Цезарь вернулся к Катуллу...

«Вдруг сбылось желание невозможное...

День такой – благословенный из золота и драгоценностей.

Чудо!

Снова Лесбии любовь! со мною она! невозможно, но сбылось!

Великолепно! сверкание жизни!

У меня есть счастье... Исполнены желания...

И у меня есть сердце...»

Ну, же, Катулл... Как, ты не умер...

Сухими губами не произносилось... мээ... мээээр...

«передайте ей...
На прощанье...
Со своими кобелями! сколько их сотен!...
А... и у них вырывает печень...
А... высохло мое сердце... ну, пусть забудет...»

Цезарь выпил... ночь не заканчивалась...

«Ненасытны прелюбодеи!
В одних и тех же постелях,
С одними и теми же девчонками.
Подлые негодяи!..»

Про меня! Про меня! Чудно, Катулл! Друг, ты дал мне своего часть бессмертия!

Клодий катался по полу... Он стучал кулаками... он разбил их в кровь... Клодий ударил головой о мраморный бюст – теперь он весь был в крови...

– Я убью его! Разорву его зубами!!! Ты осмелел! Ты осмелел?! Марк Туллий... Т-ты...

Фульвия смотрела на мужа – глаза ее сверкали. Внезапно она набросилась на Клодия и стала душить его в объятиях... перемазалась его кровью... как дикая менада, она стала слизывать его кровь... Клодий застонал... наслаждение от губ и языка Фульвии победило ненависть к Цицерону... От дикой боли Клодий взревел – озверевшая Фульвия укусила его... Он ударил ее по голове, вырывая у нее изо рта самого себя – ее губы были в крови – глаза у нее закатились – он перевернул ее – порвал столу... Ее белый зад...

Он тоже должен быть в крови... Пусть и она помнит о Цицероне!!!

Фульвия кричала... Она уже и не кричала... и не хрипела даже... какое-то шипение... Клодий скатился с нее и, задыхаясь, лежал рядом...

Помни, помни о Цицероне! И ты помни! И ты!

Претору Кальвину стало прохладно. Ночью в это время может быть очень холодно. Он ворочался уже долго. Не мог уснуть... Эта речь... Странная и неумная... Но противная сторона тоже не доказала... Безусловно, Целий – мерзавец... Понятно... Так что, за это его нужно убить?.. Сам... Пусть сам. Великий Цицерон... Marcus Tullius Cicero – дурак; Целий – подонок... Красс... Это – другое дело. Не слишком блестяще, но весьма надежно, весьма... А кхмм... деньги Марка Лициния Красса... Это – другая тема... Совсем... А Туллий! Совсем безнадежен! Полный баран! Бедная Клавдия... Все-таки надо уснуть...

Прохладным утром...
Цезарь пригубил чашу. Посмотрел на Клодия...

Ужасно. Ужасно... Его били... Он бил... Какие-то пятна, похожие на кровь...

– Да. Ты проиграл это дело, Клавдий. Если хочешь... и тебе так будет легче, мы проиграли. Но это неважно. Более того, картина проявилась. Я не думаю, что Цицерон помешает, но трогать его не надо. Слишком много будет шума. Это – не нужно. А судьба его найдет.

– Я убью его.

– Все это понятно. Однако, не нужно. Более того, он опасен для нас обоих. Да, смешно, но «Марк»... буква «М»... Кстати, Клавдий, некий Милон – у него твои замашки...

– Я слышал о нем.

– Да... Милон... Titus Annius Milo... Послушай, главное, Красс будет не с ним. Я еду в Луку. Передай привет Клавдии... Кстати, это что, правда, Фульвия ходит с ножом на столе?..

– Да, я дал ей... Чтобы помнила о Цицероне... Всегда. Удачи в Луке!

– Фортуна с нами.

Страх... ужас и страх...

...возможно, я зря спасаю Цицерона... напрасно... рискую Клодием...

Марк Туллий... не самый приятный человек в мире... Мягко говоря... злодей или герой... в равной степени... И может стать и тем, и другим... Но какие мысли... Мягкий диктатор во главе республики... Принцепс... Очень интересно. Невероятно. Я уже думаю над этим. Я услышал его.

Но это его построение... Он думает о себе... Или о... Мягкий Сулла... Он совсем не боится крови... Не обо мне, конечно.

Он очень опасен. Возможно, мог бы стать организатором заговора... Об этом никто бы не догадался... Энергичных, нерешительных, очень решительных, слабых, сильных – он нашел бы любых. А им бы даже не пришло в голову...

Марк... буква «М»...

Проклятый Клодий! Из-за него я тогда покинул Рим...

– Кто это?..
– Даже не знаю. Безумец какой-то...

– Посмотри на его бедную и грязную одежду!
– Смотри, он пристает к случайным прохожим... Молит о чем-то...

Мне пришлось уйти в изгнание и покинуть Рим. И все... все... было конфисковано.

Теперь я сказал про них, что хотел! И про брата, и про сестру! Мерзкая Клодия!!!

Они смешали меня с грязью... Посмотрим, что теперь будет с ними... Подождем...

А... А тогда я хотел... хотел... броситься на меч... Тупое лезвие... С черной ржавчиной... И – и неострое... Холодное.

Милон, Милон... Он убьет Клодия. Он убьет для меня Клодия... М и л о н.

Но больше всего я ненавижу Цезаря. Так же, как Катилину.

Зря я тогда отпустил Цезаря... Ничего. Подождем...

Пора спать... А кто там жена у Клодия... Нека-аа-я Фульвия... Спать... Спать...

А я выиграл! Речь – блистательна... Vivere est cogitare... Спать...

Я управляю... вожжи... звери... в крови... кони в пене... вожжи... кровь... Форум...

Катулл увидел встающее солнце... Выпил снова...

Я являюсь, Цицерон, как ты говоришь, одним из праздных поэтов... поэзия стала для меня целью, а не средством прославления родины и воспитания сограждан... Какой ты молодец!

Катулл выпил еще фалернского, переждал вопли, вытер лоб и начал в какой-то там еще раз читать:

«О Марк Туллий! О ты, наиречистейший семейший!

Из всех Ромулян!

В прошедшем, настоящем, будущем!

К ногам падаю тебе к твоим наинижайше.

Я – Катулл, уж хуже и быть не может! жальчайший поэт. хуже из всех, кто поэты!

А ты лучшее всех сколько ни есть прочих адвокатов!»

Собутыльники в восторге вопили:

– О! Цицерон! О отец отечества! О pater patriae!!!

– Давайте же повеселим и Катулла! Послушай же, что сделал с тобой Марциал:

Gaius Valerius Catullus вопит:

«Non amo te, Sabidi,

nes possum dicere – quare;

Nos tantum possum

dicere: non amo te».

– Да?.. Чудно! А теперь хором:

«не люблю тебя, Сабидий!

Как? За что? Чего? не знаю.

Но... Знаю! Знаю!

не люблю тебя!»

Обнаженная женщина подошла к ночи...

Черный бархат протянул ей свои объятия...

Клодия... Клодия...

Odi et amo. Excrucior!

Клодия...

Клодия...

Ненавижу и люблю...

Ненавижу и люблю...

Ненавижу и люблю...

Муука!...

Клодия...

Odi et amo. Quare id faciam, fortasse requiris. Nescio, sed fieri sentio et excrucior.

Клодия... Клодия...

Ненавижу и люблю
люблю... Ненавижу... люблю.
Как?..
Не знаю...
Никак.
Му-ука...

Odi et amo.

Клудия.

Смерть в Риме (комментирующий текст к «Речь»)

Аппиева дорога ведет в Рим. Она привела в центр мира тех, о ком мы будем говорить. Их имена известны. Все они рвались к власти. Это были разные лики власти, но каждый из них достиг своего. По странной, возможно, нелепой случайности кроме непомерной тяги к власти их объединяли две буквы. Буква «С», с которой начинались их имена, и буквы «М», с которой приходил их конец. И все они были связаны друг с другом.

Кориолан – Gaius Marcius Coriolanus, Publius Clodius Pulcher – Клодий, CLODIA PULCHRA TERTIA – Клодия, Marcus Tullius Cicero – Цицерон, Appius Claudius Caecus – Аппий Клавдий Цек, Appius Claudius Crassus Regillensis Sabinus – Аппий Клавдий децемвир, Gaius Valerius Catullus) – Катулл, ну, и Gaius Iulius Caesar...

И еще другие. Тоже на букву «С». Мы еще поговорим и о них.

Итак, в середине апреля 56 года до нашей эры в Лукке (сейчас этот город называется Лукка) должны были встретиться триумвиры: Gaius Iulius Caesar – Гай Юлий Цезарь, Марк Лициний Красс – Marcus Licinius Crassus и Гней Помпей Великий – Гней Помпей Магн – Gnaeus Pompeius Magnus. Эти люди в Лукке определили судьбу Рима – судьбу мира.

Но до этого двое из них, возможно, встретились в суде: Цезарь в качестве зрителя, а Красс – представителя одной из сторон – Марка Целия Руфа. Вместе с Крассом в деле с речью выступил Цицерон – Marcus Tullius Cicero. Выступали они против Клодии – CLODIA PULCHRA TERTIA, которую представлял в суде ее брат – Publius Clodius Pulcher – Клодий.

Дело слушалось 4 Aprilis – перед претором Гнеем Домицием Кальвином. После защитительной речи самого Целия говорили Марк Лициний Красс и Марк Туллий Цицерон. Опровергалось обвинение Целия в попытке отравления Клодии.

Скорее всего, когда Цезарь увидел Красса и Цицерона вместе, это было для него не самым приятным сюрпризом. Не очень обрадовался, вероятно, и Красс, заметив Цезаря. Им предстояла встреча в Лукке с Помпеем, и Цицерон не попадал в такой расклад. Но почему он вместе с Крассом? Почему Красс вместе со своими деньгами и Цицероном в одном деле в суде? Что их связало? Не распадется ли, в этом случае, триумвират?

Красс выступал в суде и делал это неоднократно и вполне успешно, но не эти выступления сделали его знаменитым. Этот человек спас Рим, а, возможно, и мир от кровавого восстания Спартака. Впрочем, распяв тысячи рабов вдоль Аппиевой дороги, Марк Красс вряд ли существенно обогатился. А ведь он был знаменит своим несметным состоянием. Вот как он его приобрел... Во время гражданской войны в противостоянии Марий – Сулла, Марк Лициний весьма пригодился сулланцам у стен Рима – сражение у Коллинских ворот. Вначале Сулла уступал, но благодаря Крассу, командовавшему правым флангом, марианцы потерпели полное поражение. Потом, когда пришло время проскрипций, говорили, получило начало богатство Красса. А потом... далее, пришло время большого бизнеса, вполне современного – Красс занялся девелопментом. Недвижимость, строительство и эксплуатация жилых домов; сдача их в аренду – он достиг огромной власти. Похоже, он был первым в этом деле в истории. Это объединение власти капитала и власти авторитета могло напугать и уж точно насторожить Цезаря.

Значит, Красс стремился к власти. Какой же? Возможно, в 56 году, он еще и не проявил свои желания открыто, но позже... Причем, вполне могла быть и до Луки встреча с Цезарем, на которой Красс озвучил свою цель – Восток, Парфия. И мы знаем точно – это мы знаем точно, что он нашел полное понимание со стороны Помпея и Цезаря – не сразу, но Красс получил армию для похода на Парфию. В любом случае, задержка была не по вине триумвиров. Но вот на что следует обратить внимание, когда Цезарь, уже абсолютный диктатор, в свою очередь, собрался на парфян, безусловно не забыв о стремлении Марка, в Риме вспомнили предска-

вание, что победившему Парфию суждена царская власть. Да, и, вообще, победить Парфию может только царь. Красс пошел с армией на Парфию. Хотел стать царем? Он точно не считал себя приговоренным к коммерции и готов был рисковать. Надо было готовиться к такому походу, в том числе, использовать принцип «divide et impera» в Парфии. Кто-то должен был ему помогать в этом. И таким человеком вполне мог быть Цицерон. Деньги Красса – мощный мотив. И – это для Цицерона очень важно – Красс – не Цезарь. Только не Цезарь.

Однако, есть и другая сторона медали. Неужели Парфия, а Парфянское царство – сверхдержава, вполне сопоставимая с Римом – спокойно смотрела и обреченно ждала конца? Судя по итогу, итог – поражение и смерть Красса, да еще какая! – ничего подобного. Красса ждали. Ждали и были готовы к этой войне.

Достаточно долго (о-го-го, как долго!) мнение о Крассе было не самым лестным. Забавно, что такое мнение было у очень разных сторон, причем, и классовых, и политических, и личностей (литераторов, в том числе). Противоположных сторон. А мнения совпадали. Ничего другого и нельзя было ожидать со стороны советских историков, как же, богач (эксплуататор трудового народа) и победитель Спартака (палач трудового народа). И это все справедливо: и палач, и эксплуататор. Но и римляне весьма сдержано отнеслись к победе в войне с рабами. А уж поражение с парфянами... И, не забудем, все это на фоне блестящих побед Помпея Магна и Цезаря. Так что, серый мерзавец?

Не совсем. Мерзавец, как мерзавец – на вкус и цвет... А вот насчет серости – вряд ли. Очень серьезная фигура. Если бы не Красс, кто знает, как бы закончилось противостояние марианцев и сулланцев (то самое сражение у Коллинских ворот). Да, думается, успешно нажился на проскрипциях, но убивали многие, а состояние сделал Марк Лициний Красс. Катилина не смог разбогатеть, а наш Марк смог. Не так все просто. Совершить открытие в бизнесе не легче, чем в физике. Марк Лициний смог. Ну, а Спартак?! Это задним числом, хорошо говорить о неизбежности поражения рабов, в том числе, потому что у них не было партии нужного типа – была и такая точка зрения. И что говорить: Рим – есть Рим. Но надо представить себе, что такое: за феноменально короткий срок создать на пустом месте римскую армию!!! Лучшую в мире армию. И никакой оговорки – именно, римскую армию. Легионы столкнулись с зеркальным отражением. И неудачно столкнулись. И не один раз. И у самого Красса совсем не все получилось. И он, между прочим, закричал: «Караул!» Потом жалел о своей просьбе о помощи, но это потом. Спартак был гениальным полководцем. Римляне, сжав зубы, сами признавали это. А Марк победил гения. Как же парфянам удалось разбить легионы еще и во главе с самим Марком Лицинием Крассом? Задумаемся.

Что-то стояло за этим. Легко предположить, что. Даже не что, а кто. Агент влияния. А что невероятного? Бессмертное царя Югурты: «О, продажный город!» (это про Рим) и далее – никуда не делось. Тем более, что даже в относительно честных Афинах, кто только не продавался за персидское золото. Какие имена! Демосфен! В конце концов, даже Фемистокл!!! А в Риме даже «хороший» Веспасиан почти официально брал взятки. Что взять с хапуги – не помог даже титул императора. Очень простой человек.

А кто этот агент влияния? Красс был как-то уж очень богат. Кто к нему мог хотя бы приблизиться? Коллеги по триумvirату: Цезарь и Помпей. И можно было бы предположить... Собственно, предположить как раз и можно, но не более того. Забежим вперед, Цезарь убит перед парфянским походом. Вот оно золото царя царей! Но не Цезарю же за его собственное убийство. А двух таких агентов влияния такого уровня представить тяжело. А Помпей убит еще раньше. Так кто?

Не триумvir, но мог быть... Тот, у кого уже была абсолютная власть, но недолго. Тот, кто рвется к ней, тайно и не очень удачно...

Красс, действительно, незауряден: полководец, самый богатый человек Рима и... И очень успешный юрист. Покупал ли он свои победы на этом поприще? Почему нет? Впрочем, сейчас

не это главное. Они коллеги: он и Цицерон. Не просто абстрактные коллеги, как тот же Цицерон и Цезарь, также незаурядный юрист, а коллеги, выступающие по одному делу, в интересах одной и той же стороны – Марка Целия Руфа. Коллеги! Цицерон мог очень близко подойти к Крассу. И это фигура уровня агента именно влияния. Цицерон?.. Отец отечества?..

Вернемся в Рим, в суд. 4 Апреля 56 г. до н. э. С одной стороны, Красс и Цицерон (защита Целия Руфа), а с другой – брат и сестра Клодии. И немало заинтересованных лиц.

Указанное выше гораздо важнее, чем сам суд. Цицерон вместе с Крассом... Цицерон против Клодии и Клодия... Что там Целий... Речь Цицерона в его защиту – далеко не лучшая. Более того, она странная, если не сказать сильнее. Что же здесь странного, ну, клеймит вражескую сторону (делая это на уровне сплетен на рыбном базаре), заодно клеймит защитника вражеской стороны (уже совсем странно для юриста такого уровня), крайне неожиданно защищает своего подзащитного. Можно сказать, в стиле Остапа Сулеймана Берта Мария Бендер бея. Как и тот, Цицерон хоронит своего подзащитного. Зачем?.. Он выиграет дело. Он не может его не выиграть. Тем более, вместе с Крассом. Союз лучшего юриста Рима с самым богатым человеком Рима. Как они могут проиграть? Но у претора Кальвина, который должен вынести решение – проблемы: защита ничего не делает для своего подзащитного, кроме странных утверждений о его высочайшей нравственности, подтверждаемой таким образом, что, если бы у Целия была хоть крупица совести Загорецкого, то и он бы не выдержал – сбежал. И все? Нет. Еще Цицерон впрямую хаёт Клодиев. В том же рыбном стиле. Слегка приукрашенном цитатами в греческом стиле. Смелый человек – Марк Туллий. За Клодием – банды гладиаторов. Его испугался даже Помпей Великий. Между прочим, имя Магн он получил от самого Суллы. И Клодия Цицерон обвиняет в инцесте с родной сестрой. В суде. В римском суде. С Крассом он не боится Клодия. А Цезаря? Цезаря он боится?

Самый славный подвиг Цицерона – дело Катилины. Заговор Катилины – кровавый миф республики. Как же так, республика, спаситель отечества и...

Слова, слова, слова... Республика не демократическая, а совсем наоборот – сенатская (аристократическая). Гай Марий – популярен (демократ). Он, по сути, совершает революцию! Революцию, а не государственный переворот – Марий делает все, чтобы превратить Рим в демократическую республику. Это две большие разницы: афинская демократия и Рим. И Луций Корнелий Сулла, именно он, а не Марий, спасает сенат и старую настоящую республику. Страшный тиран, диктатор с руками по локоть в крови – Корнелий, растаптывая все калигами своих легионеров – настоящий спаситель отечества! Да, именно, сулланцы – носители истинных идеалов республики. Не демократии, а республики. Демократии никогда не было в Риме – нет. Катилина, Красс, Цицерон – сулланцы. Они – свои. Есть одна мелочь: И Цицерон, и Гай Марий – из Арпина; они – земляки. Они не из Рима – провинциалы.

Как интересно, но Цезарь и Клодий, который совсем не Клодий, а очень даже Клавдий – именно они из древнейших патрицианских родов. И именно они – самые яркие популярны. А Цезарь, в конце концов, победит. То есть, победит как раз демократия. Забавно, но факт.

Однако, к Катилине... Общеизвестное чудовище. Нет слов. Собственно, именно за борьбу с ним Цицерон получил признание – стал отцом отечества. Спас Рим. Как гуси. От чудовища. Но в той самой речи за Целия Катилина как бы не совсем чудовище. Знаете, такое маленькое, но очень симпатичное – самому же Цицерону нравится. Говорит о его безмерном обаянии. С оговоркой. Без этого нельзя. Иначе, против кого же он боролся? Кого он уничтожил? Но речь-то не о Карлсоне, о Катилине. А с ним, оказывается, наш борец за чистоту и прочее дружил и не только – скажем так, погуливал. Это все Цицерон не под пыткой, в этой же речи признает. Добавим, что они родственники. Не самые так уж прямо, но все же родные. Что не мешает грохнуть и родственничка, и его друзей – катилинариев без суда. Вот в чем заковыка, сделай такое Катилина – и ладно – что с чудовища взять. А сделал поборник закона и его соблюдения – с чем и вошел в историю права. В теории. Вот некоторые и считают: а был

ли мальчик, то бишь заговор? – суда ведь не было и с доказательствами на уровне изменников Иоанна IV. Нас же интересует все-таки не печальная судьба сторонников Сергия и его самого, а нравственный облик моралиста – на что он способен. Причем, он в качестве юриста-практика в той самой уже упоминаемой речи придает этому фактору неодолимое значение. Уж как хвалит Марка Целия! Уж как хает брата и сестру Клодиев. И так, без особых доказательств. На уровне рыбьего базара. Привоза.

Итак... На многое способен. Кстати, а ведь была у него связь с этой самой Клодией, по его судебной терминологии: квадрантарией (это по латыни, сами знаете, что) – и супруга очень даже ревновала. Да, а другая уже супруга тоже ревновала, но к его родной дочери. Интересно как, и людей без установленной вины судом убил (их задушили по его приказу), и с моралью в личной жизни всяко. Что, трудно с моралью в древнем Риме? Все римляне такими были? Не обязательно. Вот принят был закон об ответственности тех, кто убивал не по суду – и наш оратор отправился в добровольное изгнание, чуя, что может быть и хуже. Даже не в самой демократической республике.

И тут у нас брат Клодии – Публий Клавдий Пульхр. И Цезарь. Это – отдельная история. Цезарь, избежавший смерти при Сулле, возвращается в Рим. Женится. Женится на внучке Суллы. Думается, правомерным будет предположить, что это цена безопасного возвращения. Брак. Цезарь не Цицерон, его принципы несколько иные: под страхом смерти не развелся с любимой женой, но она умерла, а сулланцы еще очень сильны, и он уступает. Невозможно выяснить, любил ли Гай эту жену, но хотел ли этого брака?..

Довольно скоро после возвращения Юлий становится понтификом – верховным жрецом Рима. Серьезное дело. Разводы в республиканском Риме не то что в средневековом, но верховный жрец все же не мог сделать это совсем легко, не так как Henri VIII Tudor, но некоторые трудности должны были быть. Происходит знаменитый скандал с женским празднеством *bona dea* в доме Цезаря, который проводит Помпея, внучка Суллы – его жена. Туда проникает молодой Клавдий. Еще Клавдий. Чего он хотел, кого он хотел – можно спорить. Многие считали, что осквернение действия он совершил в связи с супругой понтифика, но это не доказано, хотя и обратное также. И хотя с доказательствами туговато, тут же следует развод, а когда все же стали намекать, а кто его знает, и настаивать, что девочка не виновата, мало ли что какому дурню в голову ударит, и знаменитая фраза о том, что жена Цезаря, должна быть выше подозрений. И хотя он не был цезарем, в смысле, императором Священной Римской Германской империи и даже не мог заподозрить забавную этимологию понятий «третий Рим» и «царь», но был священнослужителем самого высокого ранга, и его были вынуждены понять.

Очень интересно, но страшной мести от самого понтифика некоему Клавдию не последовало. Ничего не происходит, кроме развода с навязанной женой и... И выхода... не с цыганочкой... а на политическую арену уже не некоего Клавдия, а борца за права плебее... римского народа Клодия. Во как! А еще имеются установленные связи упомянутого Клодия с вышеупомянутым же Цезарем.

Не имеется протоколов о договоренностях названных политиков. Отсутствуют также видеоматериалы, подтверждающие те или иные связи Помпеи. Их и не будет. Никогда. Вероятно. Очень. Но вспомним, что пришлось проделать некоему аристократу в фильме «Развод по-итальянски» – «*Divorzio all'italiana*» (этого персонажа – барона Чефалу играл Марчелло Мастоляни) в целях развода. Но кто такие эти захолустные Чефалу рядом с Юлиями?

Как бы там ни было, альянс Цезаря с Клодием известен. Очень хорош и понятен хулиган Клавдий в роли рэкетера и крестного отца. Был молод – повзрослел. Но вот его переход из тех же хулиганов в трибуна Клодия требует некоего режиссера. Причем, другого уровня.

И такой союз оказывается весьма перспективным для обоих. Просто, в чем-то Клодий вполне самостоятелен. Скажем, в акциях устрашения: сам Помпей напуган. Что говорить! Но развод благодаря осквернению сакрального действия – это рука профессионала. Не стоит

игнорировать значение звания понтифика. А законопроект: всякий, кто без суда и следствия убил римского гражданина, должен быть подвергнут наказанию? Тянет ли Клодий на такое? Зато, как это ложится на фигуру некоего великого юриста... Скажем, Цезаря. Причем, именно, Цезаря. Это и его уровень, и понятная любовь к сулланцам, т. е. нелюбовь и очень выраженная; более того, подтвержденная действиями. К слову сказать, а какая невероятная актуальность! Этой аксиоме и сегодня далеко не всегда доверяют, а зря. Впрочем, быть гражданином чего-то, не всегда эквивалентно гражданству в республиканском Риме.

Но вернемся к нашим баранам. Цицерон бежит. Цель достигнута. Клодий не поет комические куплеты в стиле Гарриса на могиле («Трое в лодке...»), но пляшет на руинах дома изгнанного оратора, и это весьма впечатляет римских граждан.

Что дальше? А колесо истории повернулось, и, как ранее Цезарь, отец отечества возвращается. Как он ненавидит Клодия, изгнавшего его непосредственно, и того, кто за этим стоял (не так сложно для человека такого ума понять, кто это). Это может показаться невозможным, но еще сильнее он ненавидит, понятно, Цезаря. Трудно представить этот цicerоновский скрежет зубовой, что не удалось, когда было возможно, удавить вместе с катилинариями и Цезаря.

Да, так вот это возвращение. Почти триумфальное: как он напустился на Клодиев! это – фантастика! какая защита? кого это интересует? зато он поливает грязью Клодию; он размазывает грязь по ней – и все с восторгом тамбовского трагика! Ее брата, Клодия это также касается. И он не боится. Он не боится дона Корлеоне Рима. (Уже есть – Клодий пока не понимает; да, и позднее не поймет; а уже есть... есть, есть дон Барзини! Появился Милон в похожем амплуа хозяина Вечного города.) И у Цезаря есть вопросы: как, каким образом Цицерон и Красс в одном деле? Триумvirат сохранится или нет?

Пока нет ответов на такие и им подобные задачи, должна появиться пауза. Конечно, это происходит. И Клодий не может! не может завалить Цицерона! А как хочется... Стерпеть такие оскорбления... прилюдно... еще и в суде... А он ничего не может. Что же он делает? вешает кинжал на столу своей жены... зачем?... А жена его не кто-то, не кто-нибудь, а Фульвия... Но это ведь 56 год... Только 56... Может быть, позднее... позже... Цицерон пожалеет, что оскорблял Клодия... И не потому, что тот – царь убийц. Не-ет! А потому, что его жена – Фульвия. Но это еще 56 год.

Пока речь шла о власти привычной – власти! Власть! Imperium! Но, как известно, помимо власти Юпитера есть еще и власть Венеры. Речь пойдет о Клодии. Собственно, уже было немало о ней сказано, в том числе, и о ее непростых отношениях с Цицероном. Однако, темпераментных женщин было не так уж мало, а вот шедевров мировой культуры, связанных с конкретной матроной гораздо меньше. Более того, шедевров, созданных и до нашей эры, и в современности. Но Клодия сумела потрясти Катуллу до такой степени, что его лирика и сегодня поражает. И эти его стихи о Клодии. (Правда, там он зовет ее Лесбией, что позволяет существовать сомнениям, а Клодия ли это? а вдруг другая? правда, трудновато, другую для Лесбии найти; так что, пусть Лесбией будет Клодия.) А уже в XX веке то ли стихи Катуллы, то ли Клодия, то ли то и другое так потрясли Карла Орфа, что мир услышал Песни Катуллы «Catulli Carmina».

Власть поэзии, конечно, парадия не Венеры. Но не последняя. Катулл же умудрился весьма откровенно писать... обессмертить в своих стихах не только Клодию, но и Цицерона, и Цезаря.

Именно в Риме имели место быть цензоры. Скорее всего, впервые в мире. Но с цензурой, похоже, было полегче. Во всяком случае, для Катуллы. О чем свидетельствуют его стихи. Кстати, даже во времена инквизиции их продолжали читать. А уж как он критиковал и Цезаря, и Цицерона... и Лесбию... Нет, не Клодию.

Все происходит до встречи триумvirов в Луке. Мы знаем, что будет дальше. А Красс, Помпей и Цезарь не знают. Не знают будущего ни Клодий, ни Милон. Цицерон знает больше.

Он знает о катафрактах и о кинжалах, но он ничего не знает о булавках... А кто такая Фувия?..

Iuno Moneta

Moneta...

Вилла Цицерона в Формии.

Летним вечером на стук привратник открыл дверь. Он увидел какого-то темного человека. Тот был одет во все темное. И сам был темным.

Темный человек спросил, является ли хозяином виллы Марк Туллий Цицерон. Получив утвердительный ответ, незнакомец спросил, а нет ли сейчас Марка Туллия Цицерона. Привратник подтвердил присутствие хозяина. Тогда он услышал, что ему, привратнику, нужно передать Марку Туллию Цицерону, что его хочет увидеть... гость.

«Странный гость», – подумал привратник. Что-то его за-беспокоило. И какая-то странная речь гостя. Это после латыни хозяина... И он сказал, что так поздно, да еще во время работы, не будет беспокоить ради неизвестного... Темный человек потемнел еще больше. В темноте. Однако, привратник разглядел и в темноте. И ему захотелось закрыть дверь. Собственно, он начал закрывать ее, но гость помешал ему самым грубым образом, воткнув свою ногу между дверьми. Привратник пожалел, что не хлопнул дверью – тогда и дверь бы закрылась, и гость сразу разучился бы вставлять свои ноги куда не надо.

– Подожди, – сказал темный человек. Он достал что-то и передал это рабу.

– Вот, передай Марку Туллию Цицерону и скажи, что его хочет увидеть... гость. – Он убрал ногу. Привратник радостно захлопнул дверь, да еще накинул крюк. И только тут посмотрел, что ему дал этот... за дверью. На его ладони лежала монета, но даже не монета, а половина монеты... И что это была за монета... Раб таких никогда не видел. Но это было золото. Настоящее золото. Конечно, он отнес тут же Цицерону половинку монеты, которую получил...

Цицерон отослал привратника, сказав при этом, чтобы далеко не уходил, а ждал за дверью.

Марк Туллий долго смотрел на часть монеты, переданную гостем. Потом снял с шеи небольшой ключ; открыл им потайной ящичек, в котором лежал маленький ларчик, нажал на небольшой выступ в резьбе... Там лежал обломок монеты, похожей на ту... гостя. Марк приложил обе части монеты друг к другу – они совпали. У него была теперь одна золотая монета. Он приказал рабу ввести гостя.

Цицерону, как и его человеку, не нравился гость. Он старался не очень показывать это. Впрочем, и старался не очень. Гость молчал. Тогда хозяин спросил, кто его послал. Темный даже не прошептал, а продышал: «Сурена...».

– Что тебе приказали?..

Гость достал мешок и аккуратно положил его перед хозяином. Тот толкнул мешок носком ноги... зазвенело золото...

Вот совпали две половины золотого статера царя Андрагора... Я знал... рано или поздно... Сурена... Это тот – самый высокий... очень молод...

– Это твой дарявака... Да, римлянин, отдай свою вторую половину и мою монеты царя Андрагора...

Золотой статер царя Андрагора – это древняя монета...

Гость держал в руках две половины другой монеты:

– Серебряная монета Парфии, на ней Ород II, царь. Теперь жди человека, который покажет тебе половину этой монеты. Велик царь Ород.

Значит, они платят, как и обещали дариками... А теперь, значит, серебряная монета Орода... Знаменитые золотые лучники Дария...

Очень дорог римлянин царю Парфии... Но он нужен... Очень нужен...

– Передай Сурене... Пока угрозы еще нет.

Тяжелая голова Красса покачнулась в отрицании, сказанного собеседником:

– Я понимаю твое беспокойство, Гай. Да. Совместная защита в суде. Но я не привез Цицерона сюда в Луку. И подумай сам, зачем он нужен-то, что он может предложить нам – слишком мало.

– Это так, Марк. Я не спорю. Более того, полностью согласен с каждым твоим словом. И даже еще более – в самых смелых фантазиях ему нечего нам предложить. Однако нужно подумать над другим: как он нам может навредить? может ли навредить?.. Он очень умен.

– И очень зол и завистлив. И?..

– Уже несколько раз он рушил все.

– В сицилийском судебном процессе ему заплатили всадники. Очень хорошо заплатили. Обеспечили защиту. Веррес не выстоял. Откупщики налогов там обошли сенатский контроль. Гай, наших лошадей там не было. Мы не участвовали в бегах.

«Marcus Licinius Crassus... Марк Лициний Красс...»

В этом деле столкнулись всадники – откупщики налогов и сенаторы – наместники провинции. Наместник обязан был их контролировать, проверять. Сицилия! Всадники сделали заказ Цицерону. Дело не в Сулле – реальные финансовые интересы.

– Справедливая мысль. Вспомни и другое, Марк, когда ты обратил первым внимание на резкое уменьшение денежной массы.

– Когда практически перестали чеканить римскую монету? Наш уроженец Арпина решил пожить. У кого тогда были деньги?

– У сулланцев. Ведь после проскрипций произошел передел. Старая знать... Многие отдали не только деньги. Но и военная добыча. Они доминировали на финансовом рынке. Больше, собственно, никого и не было.

Голова Красса опять качнулась.

– И я тоже сулланец. Все победители... Что победители, все живые были сулланцами. Но ты единственный, Гай.

Gaius Iulius Caesar... Гай Юлий Цезарь...

Высоко на дереве, в развилке, раскинулся кот. Он царственно наблюдал...

Маленький темно-серый котенок увидел одну... двух... трех больших собак, быстро перебирая... быстро-быстро... лапками, карабкался... вскарабкался на ближнюю развилку и посмотрел вниз...

Внизу большой молодой пес, веселясь, резвился под деревом с маленьким котенком. Неожиданно из кустов появился совсем маленький светло-серый котенок в клеточку. Он, покачиваясь, доковылял до того же дерева и, пыхтя, стал карабкаться вверх. Молодой пес посмотрел на него... И тут на него бросилась серая в клеточку кошка. Пес отступил... Но маленькая кошка гнала его все дальше... Удивленный пес отступал от создания в пять раз его меньше... И тут на полянку вышли три черные большие собаки... и они окружили кошку... и та бросилась на них... Четыре большие собаки опять отступили... Но круг не разорвали... Маленькая

кошка подняла лапку и замерла... Собаки сделали маленький скачок вперед... и еще один снова назад... Кошка не двигалась... Псы еще отступили... Скачок вперед... назад... еще... И вдруг кошка опустила лапку и метнулась на дерево – вверх к котяткам... Собаки кинулись к дереву, но уже было поздно.

Высоко на дереве, в развилке, раскинулся кот. Он царственно наблюдал...

Волчица пробежала мимо...

Цицерон смотрел, как всегда перед выступлением, на своих слушателей. Перед ним сидели победители. Они все были в крови сограждан, что кровь – гражданская война – это гражданская война, и у них деньги. Все деньги. Еще Красс. Но куда он денется – еще один из них? А вот сейчас: нужно, чтобы они финансировали его выборы. Нужно. Очень нужно. Уже взяты деньги у парфян. Да, ладно! Даже Фемистокл брал деньги у персов. И даже сбежал со своими дариками в Персию. Где лучники – там победа. Деньги нужны!!! Им нужно сказать, что все деньги у них... не считая Красса... а будет еще больше... Новых денег не будет. И тогда... Все деньги у них. Красс... потом Красс...

– Итак, все деньги у вас, собраты по оружию. И я обещаю, что они увеличатся многократно. Как? Как – вы хотите знать? Мы не дадим никому ни шанса! Никому больше!!! Больше никому... Мы не выпустим новых денег. Сделаем, как делают в провинциях. Вспомните Понт. Заплатил за все Митридат. Пусть он убил больше семидесяти тысяч римлян в одну ночь – за эту кровь он заплатил золотом. Так будет и здесь – в Риме. Мы дадим деньги, а потом... под сумасшедший процент... а потом... заберем все!!! Мы установим монополию. Это – греческий. Все просто... Монополия – $\mu\omicron\nu\omicron$ – один и $\pi\omega\lambda\acute{\epsilon}\omega$ – продаю) – продажа денег. С вашим политическим влиянием...

Он замолчал. Затем кто-то из них прошептал (уже не мог говорить – годы, болезнь...):
– Оденем Ци-це-ро-на.

INVESTIO – одеваю

денежные средства и...

Цезарь засмеялся. Он представил руины дома Цицерона, а на них... а на них памятник Свободе:

– Ха-ха-ха!

Так оно и было. Красс просчитал все намного лучше. Они отдали свои деньги, а вернуть их было невозможно. Под сумасшедший процент – да! Но вернуть-то было нечего и после Катилины некому. Цицерон выиграл выборы, задушил Ленту-ла, Цетегу, Статилия, Габиния и Цепария – катилинариев. Одержал моральную победу.

Он... он – первый диктатор после Суллы... А деньги ушли... Они одели – и их одели. Рим – не Понт. Катилина – не Митридат. Красс вернул все деньги, которые он вложил в Цезаря. Как он заработал на Цезаре! На мне – да, он заработал – но благодаря ему я и поднялся. Что касается катилинариев... Катилина... Этот слух пустил Цицерон:

– Деньги на предвыборную кампанию Катилины дали Красс и Цезарь, преследовавшие во всем этом свои личные цели: захват власти и обогащение!

Был ли он прав? Мы не ставили на Катилину – ставка была на неоплату долгов. И одевшие Марка Туллия Цицерона рухнули. И сам он оказался в итоге голым. Их деньги исчезли. А мы после ухода Цицерона начеканили много монеты. Берите, мы еще начеканим. В том числе, из тех... невозвращенных...

Голова Красса тяжело качнулась...

Разорение Катилины – не вино и не разврат, а выборы. Два проигрыша подряд. Но он отдал все. Все, что у него еще было... А как меня зауважали. Странно, но такого почета мне не оказывали даже после Аппиевой дороги... шесть тысяч... гладиаторы...

Конечно, Цицерон вел выборы не на свои деньги – таких у него нет, не было и уже не будет – его финансировали и, возможно, будут финансировать...

Эта же группа (группа.. сулланцы – деньги были в этот момент только у них) в лице Цицерона останавливает чеканку монеты.. У них были... накопления. Вроде это должно было укрепить монету... кто выживет... Должно было стать лучше...

Зато должникам – денег нет и взять негде...

И Цезарь... и его долги... это – наши дела... Это – наше дело.

Голова Красса тяжело качнулась...

– Гай, нам нужно оговорить войну с Парфией.

Царская война... Очень большой риск... Но пусть... Пусть. Он... Бык, сметающий все на пути... Я посмотрю. Я даже дам ему легионы... Свои... или легион... Я посмотрю...

Цицерон сидел один. В полутьме. Он высыпал всех полученных им от Сурены золотых лучников на стол... Дарики...

Театр... представление... царь Сервий Туллий... Актер делает шаг вперед:

– Слава Туллию!

И эхо – огромное ревущее эхо:

– Слава Туллию!!!

После слов актера:

– Слава Туллию!

Римский царь из рабов..

Из рабов...

Но царь...

Из рабов...

Самый демократичный царь!!!

Отец отечества...

Царь-то из рабов...

Чуть поодаль лежала та часть серебряной монеты, что дал ему гость. Он взял ее в руки...

Месяц... Звезда... Царь Ород... Царь Парфии... Это он – сейчас царь... Не нос, а орлиный клюв... похоже, комета в его волосах или за спиной... Варвар... Он платит золотом... Острая борода – копьё...

Юнона Монета Советчица

Наставница

Предостерегающая или советница... *moneta* – предостерегающая... мантия – символ «указания... предрешения... судьбы человека

Moneta

Iuno Moneta

Монео... монере... предостерегать...

Месяц... Звезда... Царь Ород... Царь Парфии... Это он – сейчас царь... Не нос, а орли-
ный клюв... похоже, комета в его волосах или за спиной... Варвар... Он платит золотом...
Острая борода – копьё...

Ненавижу Цезаря...

Монета (комментирующий текст к «Iuno Moneta»)

Сформулируем основное:

– республиканский Рим – не демократия; это аристократическая республика, республика олигархов;

– террор сулланцев и марианцев вполне сопоставим с красным и белым террором;

– выборы в республиканском Риме – это очень много денег, невероятно много.

Скажем, это – принцип, остальное – личности. Важно еще, перестать болеть за «Спартак» или «Стяуа». Мы стали лучше понимать исторические события, став свидетелями и даже участниками исторических событий.

Итак, Рим Суллы обозначил почти полное физическое уничтожение марианцев и полное преимущество сулланцев в финансовом вопросе. Тем не менее, не получается полной и окончательной победы, что означает начавшееся возрождение популяров или марианской партии, а также начавшееся расслоение сулланцев.

Достоин удивления, но Ленин не был из пролетарской семьи, как ему бы полагалось, а уж Цезарь вел род от Афродиты – древнейший патрицианский род, но... ненавидел Суллу, сулланцев и все с ними связанное. Был, собственно, именно демократом. Сулла, кстати, тоже намекал на некие связи с Афродитой, но рядом с Цезарем он – бедный родственник. Впрочем, рядом с Цезарем почти все – бедные родственники. А вот он – демократ, почти в афинском смысле слова. Небогатый демократ, отметим. До поры, до времени.

Красс, как раз сулланец. Более того, из сулланских лидеров, но не идейный, а военспец, также волею судеб пошедший на службу к Сулле, как, возможно, пошел бы служить Троцкому. Уцелел и разбогател до такой степени, что мог позволить себе заботиться о своих интересах, а не о партии.

Цицерон, как раз, наоборот, тот самый Лариосик из провинции, который обязательно должен быть святее самого папы римского – судьба у него такая. Его не понять, если хоть на секунду забыть о том, что мы имеем дело с лимитой. Цицерон – лимита?.. Ясное дело! А кто же? Рядом-то с Цезарем. Тот мог себе позволить быть даже пролетарием. Он был даже им больше, чем заурядный пролетарий, у которого просто нет имущества. В том-то и дело, что у Цезаря не только не было никакого имущества – у него еще были... Были долги!!! И все.

Вернемся к Цицерону. Очень хочется сказать, а у нашего труженника долгов не было. У светлейшего ума Рима всех времен и народов (между прочим) долгов не было. Да. Но – нет. И тут мы плавно ненадолго перейдем к Катилине (потом вернемся... вернемся). Луций Сергий Катилина – развратник, убийца, государственный изменник – все это – Катилина. По словам Цицерона. Не имеется у нас приговора суда. Отсутствует. Цицерон сказал. И все. Дело не в реабилитации Луция Сергия, и явно он не ангел и, судя по дошедшему, с развратом все у него было хорошо, но нас интересует другое – его финансовое состояние. Политический противник Цицерона к моменту противостояния (выборам), был богатым человеком. Богачом его сделали проскрипции. Убивал и разбогател. И как-то вдруг разорился. Все потерял. Влез в сумасшедшие долги. Как это?.. Как, как: пил, гулял... и разорился. Да? Чтобы потерять такое состояние, все же, разврата будет маловато. Не стоит разврат таких денег. Вот неудачный бизнес... проигранные выборы... Катилина дважды проиграл выборы. Правда, с проигравшего нечего взять. Убить можно. Похоже, все-таки убили. Взять нечего.

И что? Вернемся к Цицерону. А с выигравшего?.. Что же, выиграл наш Лариосик, то бишь, уроженец Арпина, выборы – молодец! А деньги?.. Только нужно забыть про его труды праведные. Адвокатскими трудами на выборы не заработать. Много мы видим адвокатов сегодня, которые могли бы просто зайти на выборы соответствующего масштаба своими день-

гами, не говоря уже победить? Нет-нет, пришлось, как и Катилине, нашему сулланцу влезать в долги. И тут нужно отметить... выделить... Цицерон – не Веррес. Не ворюга, одним словом. Это – здорово. Молодец. Однако, раз не вор, то отпал самый простой способ возврата долгов. Наворовал и отдал. Не наворовал. Ни разу. А как же?..

Как долги отдают? Перезанимают... еще перезанимают... отдают... отдают... перезанимают... Могут убить, конечно. Катилину убили. Воровать начать. Трудно, но возможно. Цезарь, например, завоевывать начал, так ту – Цезарь... Пришлось перезанять, скорее всего... У кого? Такие деньги!? Разве у Красса?.. Красс известен был тем, что ему деньги возвращали все. Даже Цезарь (еще вернемся). Мог и отказать коллеге. Пожалеть. Или нет... Красс одолжил деньги не Цицерону, а Цезарю. Два таких огромных кредита без залога не дают. Красс дал Цезарю.

Посторонние деньги... Не в Риме... А где?.. А где же еще: парфяне не сохранили бы своей империи в течение пятисот лет, если бы управление в ней не было мудрым и искусным – мысль, между прочим, Цицерона. В Парфии?.. Так в Парфии?.. А больше нигде. Если не в Риме. Стало быть, агент влияния Парфии. Кстати, а как такому агенту платят? Золотом. Иначе, зачем же становится агентом варваров? Большой идеей здесь не пахнет. Так, золотом. Однако, парфяне, для таких расчетов чеканили крайне мало золотых монет. А как же?.. Гуляла по миру самая надежная золотая монета – дарик. Те самые дарики, на которые клюнули спартиаты. Но что с них и их железак взять, а вот афиняне... Дарики, правда, и с афинянами справились. Легко. Вот истинные победители и Европы и Азии. А можно было заплатить агенту римскими деньгами, римским золотом. Патриотически. Оказалось, нельзя. Только Октавиан Август смог, осилил выпустить римскую золотую монету. А до него нет, никак. Так что, платили *дараявака*.

Не в Риме, а если все-таки в Риме? не мог такой светлый ум даже не попробовать создать некую модель, которая бы позволила и с долгами рассчитаться и самому разбогатеть. И нужно понимать, что сулланцы – кредиторы деньги не просто под возможную власть давали, а также должны были увидеть путь возврата данных ими денег. Причем, хорошо понимали, что не могло быть обычное воровство. И мы знаем, что на своем пути к власти и даже абсолютной власти (это – особый вопрос) Цицерон сделал все от него зависящее, чтобы, по сути, прекратилась чеканка римской монеты. Это – финансовый гений. В самом деле, выражаясь сегодняшним языком, он остановил станок, а это значит... Серьезные трудности для народа, но наш суперфинансист не демократ, он – настоящий (пока) слуга олигархов – такой себе Гайдар Капитолия – его интересует не народ, а государство – аристократичекая республика и сенат (нобилитет). А для республики предлагаемая схема чудесно укрепит финансовую систему, сестерций и... Долги как вернуть?.. А уменьшение денежной массы сильно повысит стоимость тех денег, которые окажутся в наличии. Таким образом, те у кого уже есть деньги многократно поднимутся, создадут монетную монополию и т. д. и т. п. и прочая. И *et cetera*. А у кого же деньги!? Так у тех самых сулланцев, которые дали ему деньги на выборы. И схема на самом деле придумана не им, а уже давно проверена в провинциях: дается насильно кредит местной знати и под сумасшедший процент выбивается долг. Легионами выбивается. Провинция разорена, но деньги – вот они. Правда, так начались Митридатовы войны, но золото Митридата и его присных – у кредиторов!!! И в Риме сделать то же!!!

Гениально. Однако, Рим, собственно, Рим – не его провинция. И как-то не получилось. Для начала, и для сулланцев деньги на выборы были весьма большими, а они ушли. На выборы ушли. А новых нет. Не чеканят. По генплану, не чеканят. И не вернулись. Нет денег у республики. Новых нет. А старые разошлись. На выборы. На невозвратные долги. Не возвращают квиниты. Не платят долги и не платят, тем более, сумасшедшие проценты. Нечем. Так легионами их! Вот как Катилину! Так и Катилина ни с кем не рассчитался. Но он проиграл. И нет его. И не с кого спросить. А тут вот победитель... Никаких парфянских денег не хватит, тем более гонораров.

А теперь к Цезарю. А у него победы. И у него деньги. И Гай рассчитался с Крассом. При этом, не обеднел. Красс же... О, это – глыба! И вот они с деньгами: Цезарь и Красс. А сулланцы с Цицероном – без денег! А без денег – власть уходит... убегает... из рук, прямо!!!

А Цезарь-то – марианец! Этот демократ – сами выберите слово... А Красс – сулланец случайно – неидейный марксист; и сенат его мало волнует, а сулланцы... Но еще есть Помпей – у того остались деньги – столько награбил – осталось... Вот с ним можно и даже нужно говорить. Вот он – третий. Значит, мир переменялся. Вчерашний... Вчерашний кто?..

Сколько сам Цицерон писал о своей любви к республике, сколько писали о его любви к республике! А ведь наш республиканец – он – первый диктатор после Суллы... республиканец – и Сулла. Цицерон так напоминает Керенского – или наоборот... Оба адвокаты. Успешные. Оба. Диктаторы оба. Один победил Корнилова, другой – Катилину. И про Корнилова, и про Катилину сегодня так и не знают, были они в сговоре с диктатором, который их затем предал – у каждого свой, разумеется. А как их любил народ! Потом разлюбил, правда. Ну, и оба потеряли власть. А! Еще Керенский ненавидел Ленина, а Цицерон – Цезаря.

Самое интересное, что автор цезарианства – совсем не Цезарь. Теоретиком выступил как раз Цицерон. Это его идея, что республике нужен своеобразный мягкий диктатор, который должен мирно разрешать противоречия. Он указывал, что республика вышла за пределы города а поэтому возникла необходимость и принцепса, ректора, диктатора, наконец:

«Rector rei publicae, tutor et moderator rei publicae, princeps...»

Интересная мысль! И Октавиану Августу понравилось... princeps... Потом...

А пока – золото Парфии... И вот она, та самая информация: Красс готовит войну с парфянами.

Деньги – деньги – деньги – денежки... Монеты.

Убийцы!

Ранее.
Перед сном.
Помпей Великий думал о завтрашнем дне...

Завтра... день Венеры... потом... потом...

Vigilia... бдение... Две вигилии... от заката до полуночи... и ещё две от полуночи до восхода...

prima vigilia... первая стража... давно закончилась... *secunda vigilia*... вторая стража... только закончилась... надо попробовать уснуть... он проверил и водяные часы... *solarium ex aqua*...

Да... пора...

Ему постелили... Он любил лежать на шкурах... Эта кровать была очень похожа на греческую, но ее делали в Риме. Он – патриот. Она почти вся из дерева. Так, без излишеств. Несколько вставок из слоновой кости. Между двумя стенками решетка из бронзы. На ней матрац. Ну, и шкуры... римские... шкуры...

То ли он уже спал... он услышал...
– Враги...
– Враги...
Какая-то очень красивая сладострастная музыка...
И две темные фигуры в странных меховых шапках и удивительных меховых шкурах стали сходиться... При этом заунывно пели...

Кого-то убили...

Шла tertia vigilia... третья стража... В темноте он разглядел любимый круглый стол из туи на одной ножке в виде звериной лапы...

На шкурах теплее... Зима близко... Это разве зима? Какая это зима? В Риме? Ерунда, а не зима. Вот в Альпах... Кто-то говорил... белый... пушистый... холодный... Ужас!!! А здесь... Иллюзия... хотя мне лично холодно, где угодно... как настоящему римлянину...

Третья стража закончилась... Он опять прикрыл глаза... ему стало не по себе... лары и пенаты спорили... разобрать не смог... возмущены чем-то...

Началась *quarta vigilia...* четвёртая стража...

Какие-то огромные две северные страны... очень странные... Какие-то... Barbari... он перевернулся... Все начинается с Рима... Мы первые во всем, а какие-то мелкие островки... вроде Сицилии... или варварские народы в степях... могут только с трудом подражать нам... Жалкие потуги...

Ранее.

В этот день он проснулся раньше обычного. Все вокруг было покрыто туманом. У ложа Гней Помпей Великий... Гней Помпей Магн... Gnaeus Pompeius Magnus... заметил знакомые очертания и приподнялся, чтобы получше рассмотреть. Это была голова лошади. Еще не придя в себя окончательно после сна, он стал пристально смотреть

То, что ему удалось рассмотреть, заставило его содрогнуться... Как ударило огромным молотом по груди, сердце дико забилося, и его вырвало...

Черная шелковистая голова его гордости, его знаменитого нумидийского жеребца, стояла посреди лужи крови. По полу тянулись белые сухожилия, все вокруг было покрыто пеной, а большие, словно яблоки, глаза, которые недавно блестели черными бриллиантами, теперь казались гнилыми плодами, плавающими в крови. На Помпея обрушился дикий гнев. Это было страшно. Обычно.

Однако он был глубоко потрясен. Как может человек уничтожить коня? коня, у которого нет стоимости? Без единого предупреждения. Без переговоров, которые могли бы что-либо изменить. Коня самого Помпея, наконец!!!

Подобная жестокость кричала о том, что здесь действовал человек, для которого не существует ни законов, ни богов. Сила, воля и хитрость этого человека потрясали.

Помпей провел расследование... Лично допрашивал охрану... Охранников пытали... Но они утверждали, что ничего не слышали. Помпей им не поверил.

Их явно подкупили и очень сильно запугали.

Он приказал их убить. Даже перед смертью они ничего не сказали.

Закончилась четвертая стража...

Он не был совсем дураком, он просто ошибся, полагая, что сильнее Клодия. Да, он и сильнее этого переделанного Клавдия, паршивого Клодия... Но ему, самому Помпею, наемники, что он заблуждается. Несмотря на богатство, связи, его сенат, дружбу с Цезарем – какой-то итальяшка – римляшка – патрициашка может приказать, чтобы его, Помпея убили. И он сделает это. За то, что... не дал... Невероятно. Не имеют права люди так действовать. Это сумасшествие, это значит, что ты не можешь распоряжаться своими деньгами, быть хозяином у себя... Это хуже Цезаря. Надо все это разрушить. Этого нельзя допустить.

Когда пришло успокоение, он начал мыслить более трезво. Больше всего его потрясло то безразличие, с которым этот человек, Клодий, приказал уничтожить его коня, коня Помпея.

И, возможно, это только начало. Помпея охватил страх. Он думал о своей жизни. Он богат. Ему доступны самые красивые женщины в мире. Он живет полной жизнью и обладает всем, что могут дать деньги и власть. Надо быть сумасшедшим, чтобы ради каприза жертвовать всем этим. Что он может поделать с Клодием? Он дико засмеялся.

Еще одна интересная мысль пришла ему в голову. Ведь он может превратиться в посмешище, и на улицах на него станут показывать пальцами! Это заставило его как можно скорее отдать необходимые распоряжения.

Ранее.

Помпей шел по Форуму... ловил на себе взгляды... Он – Помпей Великий... Помпей Магн! Что ему этот плебс! Пускай он из плебейской семьи, кто это знает? но в его роду были консулы! и сам он был конс...

– Помпей! Помпей – плебей!

Чего – чего?..

Помпей – плебей!

Он невольно повернулся и его что-то стукнуло... Небольшо, но неприятно... Еще раз стукнуло... Еще... В этот раз он увидел упавшую у ног морковь... рыжая морковь... еще одна морковь угодила в лоб... и тут герой Рима увидел, как здоровенный германец замахивается капустой – он успел пригнуться... тут же другой кочан шарахнул его в плечо... И он побежал! Все быстрее и быстрее!

Ды-ды-ды...

Помпей бежит!!!

А в него кидают морковками и капустой!!!

—... представляете, сам Помпей бежал! А в него кидают морковками и капустой!!!

Клодий спокойно выслушал все о бегущем Помпее и сказал своим боевым командирам:
– Долбите, долбите его. Не давайте покоя.
Затем настойчиво тяжелым шепотом проскрежетал:
– Задолбайте его.

Ранее.

Помпей услышал где-то рядом кто-то произнес: «Клодий...» Его передернуло... Вот этот закон Клодия... всякий, кто без суда и следствия убил римского гражданина, должен быть подвергнут наказанию... А ведь он, Помпей взял римского гражданина (что там гражданина, консула!) Карбона в плен и казнил его. Эта казнь...

Совсем молодой Помпей, ещё даже не сенатор... отдает приказ... лично казнит трижды консула республики...

Помпей – плебей!

В глазах многих Карбон – законный действующий консул – носитель высшей власти в Риме...

Помпей – плебей!

Но это же гражданская война!!!

Помпей – плебей!

Это жуткое прозвище... это враги... они – и!

Все эти Юлии-Клавдии стали называть Помпея «юноша-палач»... *adulescentulus carnifex*...

И говорят... говорят так...

adulescentulus carnifex...

Да ведь к нему же тоже можно применить закон Клодия... как к Цицерону...

Помпей – плебей!

Он держался, но наконец один из рабов Клодия демонстративно бросил кинжал... Кинжал упал перед Помпеем в храме Кастора и Поллукса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.